

СтOn про ЛюбOff

Этюды пунктиром

Алексей Хмара — молодой и немного самонадеянный автор, пишущий не в стол, а в стену. Точнее, в блог. Литературой интересуется всю сознательную жизнь, однако писать начал сравнительно недавно. Себя считает не столько писателем, сколько рассказчиком интересностей окружающей жизни. Пишет тексты в формате фейсбук-историй, которые искренне рассказывают о часто скрытых вещах. Любит провоцировать себя и других, а потому все время экспериментирует с образами, фразами и восприятием читателя. Считает, что жизнь цветная и краски в ней мы выбираем сами.

Язык текстов — преимущественно русский. Язык повседневного общения — преимущественно украинский. Тексты на блоге пишутся и размещаются по мере вдохновения, а часто- наличия свободного времени автора.

- [Сборник «ЛюбOFF»](#)

- [Любовь — это когда постоянно не спишь](#)
- [Безсонні ночі](#)
- [Пятница](#)
- [Вот уже год](#)
- [Она очень любила суши](#)
- [Рожица на стене](#)
- [Странная связь](#)
- [Теперь они рады](#)
- [Выстрел](#)
- [Не пригодились](#)
- [Утренний кофе](#)

- [Сборник «По дороге»](#)

- [Когда тебе рады](#)
- [Верхняя полка](#)
- [Где моя бабушка?](#)
- [Плач в маршрутке](#)

- [Сборник «Городские этюды»](#)

- [Дурочка с ушками](#)
- [Хуже всего Жуже](#)
- [Теперь готовы](#)
- [Консенсус](#)
- [Київські усмішки](#)
- [Пиджачки на линейке](#)
- [При ней он не пил алкоголь](#)
- [Она просто была другой](#)
- [Время остановилось утром](#)
- [Жизнь между временем](#)
- [Поза лотоса](#)
- [Лето в городе](#)

- [Обычная для него](#)
 - [Сборник «Особые запахи»](#)
 - [Секс на всю ночь пах селедкой](#)
 - [Унижение пахло ванилью](#)
 - [Лечение пахло бульоном](#)
 - [Ссора пахла дождем](#)
 - [Предательство пахло конфетами](#)
 - [Запах детства](#)
 - [Запах власти](#)
 - [Сборник «Смерть ради жизни»](#)
 - [Я стал хоронить друзей](#)
 - [Последняя бутылка](#)
 - [Имя на листике](#)
 - [На зустріч із другом](#)
 - [Сборник «Другое»](#)
 - [Именем Женеви́евы](#)
 - [Последняя битва Стражей. Исчезновение Ба](#)
 - [Ради дивана](#)
 - [Контактные данные](#)
-

Любовь — это когда постоянно не спишь

Вот все только начинается. Или нет, все только может быть. А ты уже не спишь. И все время перед глазами стоит ее образ. Все время. Идешь куда-то по улице, смотришь по сторонам, а видишь ее. В каждой хоть мало-мальски похожей фигуре. Или сидишь себе дома, в книгу смотришь, ну, или в газету там. А думаешь все равно о ней. Все время. И как тут спать? Как?

А потом все уже как бы и есть. Вы вместе, и у вас все так романтично. А ты снова не спишь. Целыми ночами где-то с ней бегаешь, или ходишь, или просто сидишь. Или еще что — мало ли, чем могут занять свои ночи двое влюбленных. Короче, снова не спишь. До-о-олго так, но уже привычно, что ли...

И вот свадьба случилась. И все вроде как хорошо. Но как-то недолго. В голову лезут разные мысли. Нехорошие такие мысли. И почему-то все время ночью. Или около того. И вот ты снова не спишь — ты ссоришься. Долго, с усердием. С отчаянной жестокостью даже. Полночи ссор, полночи обид. А потом — утро примирений. Не всегда и в ближайшее утро, да.

Но потом все как-то успокаивается. Само или ты, уже непонятно. Но не спишь все равно. Из-за детей. Сначала, потому что они слишком маленькие. Ночью спать они не хотят. А потом, потому что они уже выросли. И им, тинэйджерам-переросткам, ночью спать влом. Они где-то там, на ночных улицах твоего города. А ты дома — ждешь и не спишь.

Или не так, детей — нет. Все проще: сначала ссоры, потом развод. Ты снова сам. И снова не спишь. Все думаешь, анализируешь — что да почему, а вот если бы. И горько так, и тоскливо. Короче, не спится совсем.

И так всю Любовь. Всю Любовь!

Тої ночі Він вперше пішов до повії. Їхав нічним автобусом, далі блукав нічним містом. Вздовж потомлених ліхтарів, попід похмурими будинками, прямісенько до споруди з зубатим фасадом. Там розшукав дзвінок з грайливо наліпленим сердечком і задзвонив.

За мить відчинили, і Він увійшов до напівтемної вітальні. По її стінах вже вишикувались звабливо дівчата. Високі й низеньки, біляві і темні, в скромних джинсах та досить нескромних халатах — усі були тут. Вибір тривав з хвилину, обранка залишилась. Реша затупцювали швиденько назад до своїх покоїв, чекаючи на наступний виклик та команду хутко спускатись.

Оговорили деталі по часу, визначили побажання клієнта, узгодили вартість послуг. За хвилину Він плескотів у душі, вона надягала робочу білизну. А потім лунали зойки, шльопки, тихесенький сміх, шарудіння й скріпіння ліжка. Аж поки усе затихло.

Другу половину ночі Він повільно чимчикував додому, минаючи зовсім нечастий транспорт. Кватири дістався уже на світанку, швидко роздягся і миттю заснув. Прокинувся від будильника та зазбирався хутцем на роботу.

* * *

Ніч прийшла якось непомітно. Просто довгий робочий вечір тривав і тривав, аж поки не гупнув об землю густою імлою ночі. Із мешканців офісу залишились лиш Він, охоронець та якась миша, скряготіння якої добре вчувалось у напівтемному кабінеті. Робити не було чого та додому іти не хотілось.

Він вдягся неспішно, підняв комір кашемірового пальта, начепив ледь не на очі улюбленого капелюха та попростував в сторону вихода. Там розбудив охоронця, віддав ключа від кабінету, вийшов на двір і озирнувся довкола.

Було темно і кожен з можливих напрямків виглядав однаково небезпечним. Вибору особливого не було, і Він почимчикував неспішно в бік єдиної світлої плями на всю ділову округу. Той супермаркет гарував цілодобово і знаходився не те щоб далеко від дому.

У безлюдному торговому залі Він довго ходив вздовж полиць, аж поки не накидав у кошик банку м'якого сиру, пару ще свіжих булок, пакунок норвезької риби і якусь шоколадку. Постояв біля полиць із пивом, швидко перейшов до розкладки з горілкою. Зрештою вибрав дві пляшки вина. Напісолодкі Каберне Савіньйон та Піно Нуар. Обидв чилійські з корками на закрутці, аби легко було відкрутити, навіть коли без штопора. Він бо не пам'ятав, чи є ще в квартирі той штопор, загублений за часів якоїсь з пиятик.

Розплатився, склав все у фірмовий пакет та зацокотів пляшками в сторону власного дому. Там вже звично ввімкнув музику, намазав булки сиром, подрібнив червону рибу, розкрив шоколадку, а з нею й обидві пляшки вина. Ввімкнув ноутбук, знайшов в інтернеті порнуху, вмостився зручніше на ліжку. Пив і дивився, дивився і пив аж поки не спорожнів пляшки та не доїв приготоване.

Далі таки заснув. До ріжучого мозок сигналу на телефоні, що сповіщав про початок нового робочого дня.

Він совсім не пам'ятав нараду. Весь час, поки шеф монотонно про щось розказував, просто непомітно спав. Снилась порнуха, часом гаряча. Аж поки над Його голову пролунало Його ж ім'я та завдання поїхати в Л. Невідкладно, тобто завтра вже бути на місці.

Кожного року найбільш винного із своїх підлеглих шеф посилав до Л. аби там працювати з особливо вередливим клієнтами їх невеличкої фірми. Так виглядало, що на цей раз шефова немилість випала саме на Нього. А може, то шеф вмів читати думки і просто побачив, ким саме він був у Його гарячому сні?

Цілий день готувався до подорожі. Звіряв плани, вивчав звітність, перевіряв дані по клієнтах. В перерві бронював готель, купував квитки на потяг. Відправлення було пізнім, майже опівночі. Наступного ранку, ближче до дев'яти, Він мав вже прибути до Л.

Вирішив з роботи додому не йти, а зайти перед відправленням до басейну. Благо, той був недалеко від вокзалу, а плавки Він завжди носив із собою. Тож, завершивши всі справи, склавши дорожню валізу та тричі перевіривши, чи все вимкнув, Він покотив до басейну.

Народу було небагато. По-перше, розпал робочого тижня, по-друге, вже ближче до пізнього вечора. Вода в чаші басейна приємно холодила тіло, знімаючи втому з кожним новим гребком.

Вже на третьому розвороті тіло увійшло в режим автомата, і Він повністю зосередився на власних думках і спогадах. В пам'яті спливало минуле літо, їх зустріч, яскраві стосунки. Він ніби ще відчував на м'язистій спині тепло Її обіймів, його пальці ніби знову торкались Її прохолодної шкіри.

Це вона пішла від Нього. Сказала, що має з'їздити на вихідних провідати маму, бо та захворіла. Поїхала і більше не повернулась, лишивши у раз осиротілій квартирі дрібку власних речей. Капці з вушами, коротку футболку з котами, у ванній зубну щітку та масажку з залишками світлявого волосся. Він більше ніколи не користувався тою гребінкою, лиш роздивлявся уважно в електричному світлі кожну з тих волосин.

Туга тривала доволі довго. Особливо сильною вона була в перші півроку. Потім, ближче до нового літа, ніби його попустило. Знову дивився навкола, знову хотів пригод. Навіть завів стосунки з одною з власних колег.

Тривало те все недовго. З нею було просто прісно. А весь останній місяць він зовсім не спав. Не помагали ані медитації, ані снодійне чи алкоголь. Не помагало навіть постійне навантаження роботою на межі усіх сил.

Годинник над тумбами для стрибків показував 23:04. Вже був час збиратись в дорогу. Він швидко виліз з води, звично прийняв душ, легко попростував в бік вокзалу. Показав провідниці квиток з телефону, закинув речі, застелив свою верхню полицю та ліг.

Спати знов не хотілось. Сусіди по потягу беззастережно хропіли, іноді стукаючись головами об тонкі стінки купе в ритм руху потяга. Він взяв телефона, вдягнув навушники та ввімкнув віднедавна улюбленого Rene Aubry. Вона дуже любила Рене, особливо його *Plaisirs d'Amour*. Він теж тепер полюбив.

Поїзд поволі їхав, він читав щось з новин, слухав музику, згадував те літо. Від нічого робити став перебирати фотки на телефоні. Якось одразу натрапив на фотки із нею. Підступний смартфон сам розподілив світлини по обличчях відзнятих. Тож на нього ніби аж вистрибнула папка із нею.

На фото вона посміхалась. Навіть коли не губами, то очима завжди. Світлини були різні, але на кожній із них з Її волоссям була катастрофа. Вітер його куйовжив, сонце нещадно пекло. А Вона так старанно намагалась його загладити. Без особливих успіхів, коли щиро.

Якоїсь миті Він таки наважився. Відкрив фейсбук, знайшов її профіль, почав писати.

«Привіт.

Я в твоєму місті.

Може зустрінемося?»

Три рядочки, більше не зміг. Написав, подивився, почав стирати. Потім знов написав. І знову все стер. Зрештою, написав те саме і натиснув «відправити».

Далі дивився на кружечок під текстом, бажаючи, аби той став бодай синім (доставлено), а ідеально з портретом (прочитано).

Та зв'язок у дорозі страшенно слабкий, колір кружечка усе не мінявся. Так і провалився в сон. В навушниках та з телефоном в руках.

* * *

Коли він проснувся, телефон остаточно сів. Провідниця розбудила, запропонувала чаю. Попив, зібрав речі, по прибутті пішов до готелю заселятись. Потім зразу в офіс клієнтів. Там лишив телефон заряджатися та взявся за першочергові справи. Лишень у обід зміг повернутися до телефону.

Ввімкнув, почекав і зразу побачив коротке від неї: «добре, давай після 20:00».

Весь день Він ходив і не вірив. Робив щось, відповідав на питання, навіть давав поради. І все не вірив. Кожної вільної миті витягував телефон і знову читав той меседж.

Сьогодні знову не спати. Вперше із радості...

Снегопад начался в пятницу рано утром. За пару часов до привычного времени выхода на работу. Снег падал на предпраздничный город, обволакивал белым неровный асфальт, усталые крыши, деревья в остатках листвы. Уже через час город сиял белизной, снег празднично искрился в утреннем солнце.

Еще сонные люди неуверенно выходили из дома, неровно шагали в снег, зябко ежились от холода снежинок, случайно нападавших им за шиворот. Магистраль, такая широкая вечером, вдруг резко сузилась до размеров тоннеля. Натужно клаксонили автомобили, стараясь не зацепить друг друга. Между ними хаотично сновали люди, спеша по своим заботам. Городского транспорта почти не было.

Но трамваи ходили, пусть и не часто. Снег шипел и таял под прессом металлических колес, быстро бежавшим по спрятавшимся под сугробами рельсам. Старая электромашина тяжело останавливалась на остановках, вздрагивала всем изношенным телом и лязгала металлом открывающихся дверей. Народ быстро карабкался по ступенькам, даже не пытаясь выпустить вновь прибывших пассажиров. Всем хотелось уехать подальше из снежного ада. И как можно скорее.

* * *

Он проснулся, когда уже все успокоилось. Около полудня город снова был чист, свеж и готов к праздникам. Он лег вчера поздно, гуляли весь вечер, потом был последний сеанс, затем провожал. Домой попал только после полуночи, а там еще были дела. Пока поработал, пока все закончил, стрелка перевалила за два. Поэтому все пропустил.

Ему не надо было спешить. В городе он пробыл неделю, дел же реально было дня на три. Плюс, можно самому решать, когда начинать работать и до когда. Идеальная командировка. А тут еще и Она, давнишняя его любовь.

Не виделись целую вечность, а словно расстались вчера. Тяжело, правда расстались, с нервами и взаимными переездами. Но ничего, устаканилось. Когда он ей позвонил, Она ответила. Потом свиделись, потом еще. Так и начали снова общаться. Теперь вот Он здесь, в Ее городе. В командировке. Но и по личным делам.

В холодильнике была только баночка шпрот. Из напитков – вода из под крана и еще стик растворимого кофе. Идти никуда не хотелось, Гугл показывал -7. Завтракать решил дома.

Шпроты открывал ножом. В съемной квартире не было открывашки. Только штопор, нож и по паре вилок и ложек. Еще чуть-чуть посуды и много стаканов. Но ему хватало, в квартире он совсем и не ел.

Шпроты лежали плотно друг к дружке, поблескивая спинками в масле. Рыбки пахли приятно, желудок призывно урчал и просил еды. Он ел, почти не смотря в тарелку. Все собственное внимание сосредоточил на экране ноутбука. Проверял свежую почту, читал заметки с последнего совещания.

Работал не вставая часа четыре. Кофе давно остыл и стал еще больше невкусным. От привкуса хлорки не спасали даже Е-подсластители и сухие сливки. Когда стало темнеть,

пошел включать свет. На часах было уже начало пятого. Пятница, Ей оставалось работать не больше часа.

* * *

Встретились возле елки. Даже неясно, кто был нарядней. На одной блестели разноцветные шары и пушистый дождик, на другой — шарики бус и эмаль сережек. У одной искрились гирлянды, у второй — глаза.

— Привет, ты голодная?

— Да, немножко.

— Пошли, перекусим. Расскажешь, как день.

Что ели, не помнил. Ах да, точно, ели крем-суп. В нем еще так смешно отражалась лампочка в абажуре, прямо над их столиком. А еще был десерт. Ей без бананов, ему — двойная порция. Бананы Она не любила. Странно, почему не любила? Это ж целая кладовая серотонина, природного гормона счастья. Но Она и так выглядела счастливой. Новая работа, знакомства, постоянный движ. Плюс еще он с вечными придумками и приколами. Она точно была счастливой без всех этих бананов.

Потом они долго гуляли. Снег уже аккуратно убрали в горки, ходить было вполне удобно. Весь центр превратили в большую рождественскую ярмарку. Деревянные домики, глинтвейн, новогодние песни. Целая куча елок всех мастей и размеров, праздничные гирлянды. Воздух пахнул корицей, теплым вином и счастьем. Люди вокруг улыбались, новогоднее настроение можно было пить прямо из воздуха.

Возле городской елки было особеннолюдно. На импровизированной сцене постоянно пели, шутили, что-то показывали. Вокруг елки гуляли дети, пары, мамы с колясками. Несмотря на мороз и вечер никто не спешил, не нервничал. Люди просто получали удовольствие от елки, снега, мороза и ощущения счастья.

До поезда оставался час. Он взял билет на последний рейс, но все равно тот уходил относительно рано. А Ему очень хотелось побыть еще чуть подольше, целоваться на лавочке, держать Ее за руку. Просто смотреть в глаза и слушать мурлыкающий голос с чуть раскатистым «р». Не важно, о чем Она говорила, важно было лишь — как. Он вообще любил ее слушать. И смотреть. И нюхать. Блин, совсем как его вислоухий бассет.

— Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо, но мне ж скоро на поезд. Так что в кафе не получится. Может, в машине?

— Давай. И возьмем кофе. В Макдрайве по дороге.

Кофе в картонных стаканчиках обжигал пальцы, но пахнул до одури хорошо. Боже, что они туда добавляют? За пару минут дошли до машины. Та, припаркованная еще с утра, за день покрылась снежной шапкой в ладонь, «дворники» напрочь заледенели. Машина была ее, она за рулем.

Сели молча, Она включила печку. Пока прогревался двигатель, пили кофе. Включила музыку, что-то со своей флешки. Машина стояла на главной улице, мимо изредка проезжали автомобили. Иногда проходили полупустые трамваи, позванивали на повороте в трех десятках шагов от машины.

— Я думаю, нам стоит расстаться.

— Как? Почему? Мы же только начали видеться.

— Все это неправильно. У нас не может быть будущего. Во-первых, мы живем в разных городах...

— Но я могу приезжать. Я же сейчас здесь. У меня же командировки. Я всегда могу...

— Нет, послушай. Да послушай же ты! У любви на расстоянии нет будущего. Просто нет.

Она на Него не смотрела. Он тоже не поворачивал головы. Боялся увидеть глаза, а в них пустоту. Поэтому смотрел на дорогу.

Снова пошел снег. Крупный, лапатый. Снег падал на лобовое стекло машины и таял. Падал в ритм с грустной мелодией для пианино, звучащей из ее флешки.

Странно, подумал Он. Как будто бог играет на пианино, а снег падает с клавиш прямо на это стекло.

— Я зашизамлю?

— Что? Что ты сказал?

— Песню я зашизамлю?

— А, песню. Ну да. Хорошая песня. Слушаю ее сейчас часто, нравится она мне. Так ты понимаешь, что у нас все?

— Ага, понимаю. Но принять пока не могу.

— Это ясно. Но ничего, время, оно лечит. Скоро праздники, ты отдохнешь, осознаешь.

— Угу, осознаю. Ты меня до вокзала-то довезешь?

— Конечно. Я ж обещала.

Ехали молча. Слушали музыку, смотрели в окно. Она на дорогу, он — в никуда. Иногда на нее. У вокзала припарковались. До поезда оставалось минут пятнадцать.

— Ну что, вот и приехали.

— Да-а-а. Проводишь?

— Ой не знаю. Тут, кажется, парковка запрещена. Потом еще штраф платить или машину забирать с штрафплощадки.

— Ну да, ты права. Давай тогда, что ли, прощаться. Хоть обниму тебя напоследок.

Обнялись. Поцеловал в щеку, вдохнул запах волос. В последний раз, на дорожку.

— Ну что, береги себя.

— Конечно, ты тоже. Будь осторожна, на дороге сегодня скользко.

— Да, буду. Я эсемесну, когда доеду. Чтобы ты не переживал.

— Лады, напиши. Ну я побегу? Поезд скоро.

— Да, беги. И прости. Просто города разные...

Он вышел и быстро зашагал прочь. Посмотрел время на телефоне, включил зашизамленную песню. В динамиках зазвучало грустное пианино, экран высветил — Maria Mena, «Habits».

Вот уже год

Вот уже год, как они не виделись. Ходили в одни места, встречали общих знакомых, попадали на те же встречи. Но сами не виделись.

Он мог опоздать, она раньше уехать. Они попадали на разные ряды. Без умысла. Просто какая-то сила ставила между ними стены, разводила мосты, натыкала на других людей.

Друзья еще удивлялись — есть селфи с ним, фото с ней, но ни одной с ними обоими.

Как это может быть в зале на триста лиц? Но может. Вот уже год как может.

Расстались они легко. Без особых скандалов и выяснений. Делить было нечего — ее книги, его книги, две рубашки, три платья. Еще зонтик, личные планы, общие мечты.

Наверное, все.

Были еще половинки. Вторые. Там. До того. Из-за них и расстались.

Чтобы не усложнять, не давить, не требовать.

Вернулись к своим. Где всё, как всегда, где всё, как у всех, где вообще — всё.

Половинки были так рады — водили на те же встречи, к общим знакомым, в одни места.

Но они там не виделись. Вот уже год.

Она очень любила суши

Она очень любила суши. А он, он не любил. Вернее, он даже не знал до того, не пробовал. Просто она появилась на практике в офисе, а он пригласил на ланч. Гулять было холодно, а, скорее, мокро — ноябрь. Так они и пошли ланчевать.

В кафешке у офиса выбор был небольшим. Пицца, суши, кальян. Но кто же ест пиццу на первом свидании? А кальяном-то разве наешься? Выбрали суши. Заказали сет на ее усмотрение. Филадельфию с лососем, икрой, угрем и почему-то с омлетом. Зачем там омлет, он не знал. Может, в сетях на ланч так было принято?

Принесли палочки. Ей обычные, ему на резинке, учебные. Спрашивать официанта, как ими пользоваться, было почему-то стыдно. Решил, обойдется сам, что там тех палочек. Посмотрел на еду, на нее, погрустнел. Было понятно, что сам он точно не справится. Особенно на ее фоне, ловко выбирающей из фарфоровой чаши тоненькие, почти прозрачные водоросли.

Честно сказал, что не сможет. Она улыбнулась. По-доброму улыбнулась, почти как мама. А потом стала его кормить. Брала своими палочками рол, макала его в соус с разведенным васаби, клала сверху лепесток имбиря и отправляла прямо ему в рот. Вкусный оказался тот ланч. Может, и не из-за лосося.

Потом они часто ходили на суши. Он быстро научился есть палочками. И деревянными, и каменными, литыми, тоже. Уже на Рождество он кормил ее сам. Ловко брал каждый рол, мочил в соусе, аккуратно клал в ее красивый рот. А потом ловил по одной размокшие в соусе рисинки и скармливал их ей, словно курочке.

Он ее так и называл, моя курочка. Работа не клеилась, в офисе появлялся не часто. Все свободное время проводил с нею. Благо, она часто была свободна. Последний курс, время писать диплом. Она и в его конторе появилась тогда в рамках преддипломной практики. Много ли она успевала писать, он не знал. Он точно успевал мало.

Восьмое марта вышло совсем плохим. Ну, дома он что-то там подарил, понятно. Купил домашним цветы, торт, вышли с женой прогуляться с их маленькой дочкой. Уставшие возвращались назад, он тянул на себе коляску. Жена с дочкой на руках лифтом поднялась первая. Он с коляской ехал уже второй ходкой. Только вошел в квартиру, сразу же получил в нос. Своим же смартфоном, оставленным на зарядке на время прогулки. На экране была миска. Она голая в пеньюаре и текст с сердечком: «милый, спасибо тебе за подарок, он идеальный».

Уйти пришлось ему. Квартира была на жене, ей идти было некуда. К студентке пойти не мог, та жила на квартире с подругой. Начал снимать. Вроде как было удобно, студентка часто оставалась на ночь. Потом даже к нему переехала. Но совсем ненадолго. Оказалось, жить под одной крышей они не могли, характеры слишком разные. Он вечно делал ей замечания, бывало, сравнивал ее действия с поведением жены. А кому это может понравиться? Она терпела, скандалила, требовала, но не менялась. Он не менялся тоже. К лету они расстались.

В отпуск он не пошел. Работы навалилось много, за весь прогулянный год. Да и ехать куда-то было не с кем. Не считая армейского друга Вовки, с которым можно выпить везде и без выезда. Готовил он себе мало, чаще покупал доставку. Бывало, заходил в магазинчик у дома, где готовили вкусно на вынос.

Часто заказывал суши. Обычно сет с лососем, икрой и омлетом. Соус с васаби и одни стандартные палочки.

Весеннее солнце настойчиво пробивалось сквозь жалюзи, пускало лучи в глубину комнаты, ощупывало полутемные стены. Красивый рисунок обоев искрился в случайных бликах, причудливые узоры из листиков и цветочков оживали в солнечном свете. Она лежала ничком на смятой постели и просто смотрела в стену. Не мигала и не отрывала взгляд. Просто смотрела.

В одну точку, где рисунок обоев неожиданно расплывался в довольной рожице. Вздернутые вверх брови, широко открытые глаза, нос пуговкой, ямочки на щеках и улыбка. Улыбка у рожицы была особенно искренней, словно у маленького ребенка. Она неотрывно смотрела на ту улыбку, не мигала, не отводила взгляд.

Ремонт в квартире делали быстро. Месяца за три до рождения сына. Она сама тогда настояла, чтобы к рождению был ремонт. Потому что с ребенком не сделаешь, а растить дитя в свинарнике она не намерена. Ее мама постоянно говорила про свинарник в квартире. Квартира досталась от бабушки, очень кстати представившейся перед свадьбой единственной внучки. Они сразу и поселились. Не хотели жить с тещей, у его родителей просто не было места. Пока были сами, ремонт особо был и не нужен. Да и зачем им ремонт, если в квартире они только спали? Или не спали, так, проводили ночи. Было в том что-то особенное, жить молодыми в квартире с мебелью из прошлого века. Декадентское, что ли. Она очень такое любила, мистику и декаданс.

А потом надумала сделать ремонт. Беременность, она сильно влияет. Муж особо не спорил, только просил, чтоб обои без розочек. И чтобы мылись легко. Потому как малые дети непременно замажут обои. Уж он-то об этом знает, третий ребенок в семье. Она не спорила, а зачем? Быстро выбрали материалы, ламинат, обои. Отдали все мастерам и приготовились ждать. Появления сына и новый ремонт. Ремонт случился быстрее.

Когда появился сынок, изменилось буквально все. Работы за деньги сразу не стало, работы по дому — хоть отбавляй. Она очень тогда радовалась, что вместе с ремонтом появились стиралка с посудомойкой. Работа у них была всегда. Сна тоже особо не было. Муж обижался, потом привыкал, потом смирился. Даже какое-то время сам вставал по ночам. Свободного времени тоже практически не осталось. Да, она часто гуляла, но вместе с ребенком. В его режиме и по его расписанию. А разве с таким расписанием пойдешь куда в гости? Где всегда шумно, накурено и алкоголь. Понятно, что с сыном туда неудобно.

Муж вроде все понимал. Ничего особо не требовал, всегда предлагал помощь. Но было заметно, что ему это все не нравилось, особенно в первый год. Предложил купить машину, чтобы возить их по местным красотам. Деньги в принципе были, откладывали на квартиру, негодились. Она согласилась, но хотела, чтобы сначала он сдал на права. Сама не водила, муж вроде как да. Но прав у него точно не было. Он быстро прошел курсы, без взяток сдал экзамен, получил корочку. Уже через месяц купили машину. Как раз начинался ноябрь, было сыро, по ночам заморозки. Она настояла, чтоб муж пока ездил сам. Набивал руку, привыкал к машине. Весной уже ездил бы с ними, малому как раз стукнул бы год.

Сын рано научился ползать, а потом и ходить. Держался за стены в цветастых обоях и медленно обходил квартиру. Сначала метр-другой, потом еще. Месяца через два мог уже час гулять по стенам. Идет вдоль стены, качается. Подойдет к шкафчикам, дергает ручки. Вываливает все на пол, хохочет. И так, пока не надоест. В квартире теперь постоянно что-то

валялось. Даже когда все прятали как можно выше, все равно что-то валялось. Она убирала, конечно. Но разве за всем уследишь?

Потом начались фломастеры. Откуда он их нашел, было вообще неясно. Но в первый же день стены их спальни и зал были забористо разрисованы кислотно-синим маркером. Она оттирала обои аж до прихода мужа. Рассказала ему за ужином, муж совсем не обрадовался. Качал головой, хмурился. Почему-то спросил, где она, собственно, была в это время. Ей это совсем не понравилось, но ссориться сразу не стала. Просто перестала вытирать фломастер, а ему сказала, чтобы мыл, если не сможет терпеть. Оказалось, муж все отлично может. Потом, на второй день рождения сына, почти все отмыла. Оставила только чуточку в их мужем спальне. Чтобы видел и все понимал.

Иногда они ездили вместе за город. Дачи у них не было, родственников в деревне тоже. Ездили в основном в лес, иногда в памятные места, один раз даже на море. Малого укачивало в машине, так что ездили недалеко. Она так и не пошла на работу. Сын не то чтоб болел, но в саду больше трех дней продержаться не мог. А с таким режимом работать в конторе не получалось. Она взялась за дистанционные подработки — писала тексты на туристические порталы, сводила в кучу длинные таблицы Эксель, даже переводила несложные документы в посольства. Муж продолжал работать, забросил все хобби и старых знакомых. Любил ковыряться в машине и вечерние сериалы. Дома они не ссорились, но и страсти особой не было. Спокойный уклад бургеров, как часто шутил их общий дружок Шурка.

Третий день рождения сына они решили отметить за городом. В хорошем ресторанчике при отеле с детской площадкой. На улице уже потеплело, сынок мог играть во дворе. Пригласили родителей с обеих сторон, еще кумовьев и пару друзей из семейных. Кампания набиралась большая, гулять собирались с размахом. Муж первым оделся и вышел во двор заводить машину. Взял с собою коробки и сумки с вещами, набрались полные руки. Когда выходил, неплотно закрыл за собою входную дверь. Спешил, не заметил, жена тоже не слышала. Решила, что первой сама оденется, а потом соберет уже сына. Ему было бы жарко ждать маму в одежде на выход, а оставить ребенка с папой было не очень разумно. Тот часто сердился, когда отвлекают, пока прогревал машину.

Она села на край кровати и стала обдумывать, что же такое надеть. Чтобы не очень нарядно, практично за городом и все же немного особенно. Пока думала, все смотрела на стену. Заметила след от фломастера, тут же решила отмыть. Дел-то там было минут на пятнадцать, чего раньше не доходили руки, неясно. Набрала воды в миску, взяла губку и средство, принялась за уборку. Проверила перед тем, все ли в порядке. Сынок привычно играл с кубиками, строил башни, потом азартно их все валил.

Он кинул вещи в багажник. Коробку с игрушками положил в салоне, чтобы сына было чем занять во время поездки. Сел в машину, включил зажигание. Подождал пару минут, пока двигатель нормально прогреется и решил подогнать машину поближе к подъезду. Знал, что жена будет рада, она любила, когда машина стояла прямо напротив входа. Посмотрел в зеркало, все было чисто. Включил заднюю и стал медленно сдавать назад. Внимательно следил, как держится машина, чтобы не наехать на соседскую клумбу. Вдруг почувствовал тупой удар в задний бампер и истошный крик соседки-кошатницы. Понял, что переехал кого-то из ее питомцев, резко остановился, вышел узнать, что случилось. Под задним правым колесом лежал его трехлетний сын. В домашней футболке и с кубиком в маленькой ручке. Волосики слиплись от дворовой грязи, глаза неподвижно смотрели в весеннее небо.

Она так и не смогла простить мужа. А еще себя и ту чертову дверь. Уже месяц лежала ничком на кровати. Не мигая смотрела на стену и ту смешливую рожицу.

Сначала просто слали смски. Короткий текст, пару смайлов, иногда какую-то розочку из символов. Потом перешли в фейсбук. Не потому что дешевле, нет. Просто удобней, быстрее, прочитать можно когда удобно.

Так и писали.

А потом он начал писать и сразу удалять сообщения. Чтобы другие не видели. И ее сообщения тоже. По тем же причинам. Поначалу было сложно, но потом свыкся. Утешался тем, что тренировал память.

На службе телефоны не одобряли. А переписку и подавно. По ней потенциальный враг мог определить положение. Или еще какие военные тайны. Потому он старался писать незаметно. Обычно, пока все другие спят. Прямо под армейским одеялом в общей полевой казарме.

Написал, посмотрел на доставку. Сразу стер. Прочитал, запомнил и снова стер. И никаких следов.

В тот день их закинули в какой-то лесок. Не то чтобы дикий, но людей вокруг не было. Разместились на ночь в хате, размером с сельский клуб. Там даже было два этажа. В смысле, этаж был один, но еще широкая печка с кучей веревок над ней. Так много, что мог посушиться, наверное, целый взвод.

Он написал ей еще до вечернего расселения. Обычные няшные штуки. Ну и еще чтс скучает. По ней, по запаху, по прогулкам. Написал и стер. Думал, она ответит уже за полночь. Когда будет время после рабочего дня и домашних хлопот.

Когда все уснули, пошел проверять телефон. Залез на печку, укрылся чем-то, приготовился. Она ответила. Написала, что тоже скучает, что день был сумасшедший, конец года все-таки. Что еще не знает, где отмечать Новый год. Он прочитал, улыбнулся. Потом сразу стер. Зачем — непонятно. Привычка, наверное. Потом отписал быстро, что тут ее не хватает. Есть все, а ее не хватает. Отправил и тоже стер. Привычка.

Ждал ответа, его все не было. Оно и понятно, поздно уже. Сам не заметил, как уснул на той печке. Проснулся часа через три. Решил тихонечко слезть, вернуться в спальник, пока не заметил старшой. Уже сел, уже начал искать дорогу и вдруг заметил.

На веревках висела одежда. Много женской одежды, как после стирки. Уже сухая, но видно, что только стирали. Трусики, лифчики, кофточки и колготки. А еще два платья. Одно серое, вязаное, с узорами. Второе тоже теплое, но из чего — непонятно.

Руки сами сняли серое платье. Очень похожее на ее любимое. Пальцы бегали по узорам, ладони тонули в ткани. Он сидел и не понимал, что делает. Расправлял платье в руках, поднимал к тусклому свету, нюхал узоры. Блин, оно словно пахло ею, ее любимым парфюмом.

Его как обожгло. Четко почувствовал жжение в кончиках пальцев. В голове всплыла картинка. Экран телефона, только в мозгу. На нем сообщение от нее. Пишет, что уже поздно, она устала и хочет спать. А ей еще надо простирнуть вещи. Хорошо, есть стиралка, закинула — и больше не парься. Но надо ж еще посушить. А значит, целый час не спать, ждать, когда достирает. А она устала. Так что просто поставит будильник. Потому что день был длинный и очень сложный.

Как? Как ее вещи оказались тут? Почему он видит ее сообщения прямо у себя в голове?

Видят ли это другие?

Ему стало страшно, очень страшно. Быстро сорвал все с веревок, быстро стал прятать все под одеяло. Трусики, лифчик, колготки и платья. В темноте было неудобно, боялся кого-нибудь разбудить.

Снова наткнулся на телефон. И вдруг понял. Лихорадочно стал развешивать белье назад на те же веревки. Старался те же вещи да по тем же местам. Но не все помнил. Не все.

Развесил, взял телефон, написал быстро:

— Вещи высохли. Принимай. Люблю.

Написал, отправил, дождался доставки. И стер сообщение.

Посмотрел вверх. Там было пусто. На веревках снова ничего не было.

Не знал что и делать. Просто пошел спать...

Теперь они рады

Где-то в районе полуночи высветился экран телефона. Вспыхнул на миг сердечком и быстро погас. Как и всегда при полученном сообщении.

Никто из домашних даже и не проснулся.

Он писал только ночью, она читала, как правило, утром. Он — чтобы не знали домашние. Она — чтобы никто не видел.

Они всегда и во всем осторожничали. Даже создали левые профили и тайный код. Она — Миссис Хатсон, он — Бравый Вояка. Аватары выбирали вместе. Чтобы смешные, но без сарказма. Чтобы похоже, но без зеркального сходства.

Выбрали единодушно.

Они много чего делали вместе. Особенно по понедельникам и четвергам. Она, формально, на выезде. Он, официально, на объекте.

Так и познакомились прошлой весной. На маленьком корпоративчике по поводу сдачи очередного объекта. Она тогда ставила им программу. Он же просто хотел выпить по случаю. Но шеф задерживался, а он все скучал.

Она нервничала, потому курила. Он курил от безделья. Так и познакомились.

Первый месяц был каким то смятым. Постоянно ничего не успевал. И постоянно думал о ней, о ее сигаретке в изящной ручке. И о глазах. Сине-серых с переливами весеннего неба.

Сам нашел ее номер. Наплел что-то о незаконченном деле, пригласил на встречу. Потом долго смотрелся в зеркало, репетировал шутки, повторял тосты.

Прошло тогда все замечательно. Совсем не так, как планировал.

Она сразу почувствовала связь. Почувствовала и испугалась. Дома налаженные отношения, устоявшийся брак и понятная карьерная перспектива. А тут он, с красивыми пальцами и вечной полуулыбкой. И умными шутками, и блеском в глазах.

Блеска ей особенно не хватало. И улыбок. А он был настойчив. И такой смешливый. И такой свой, что ли.

Теперь он пишет поздно, она читает рано.

Теперь так. Теперь они рады.

Выстрел

В переполненном вагоне метро видно лишь спины впереди стоящих, чью-то книжку через плечо и экран смартфона, если повезет достать. Ему повезло, он достал.

Пока ехал, читал не отрываясь. Что-то о новых мирах и их первооткрывателях. Читал, слушал музыку. В наушниках The Who перекрикивали шум колес, гитарный бой гасил посторонние звуки.

Испугался, что пропустит нужную станцию. Быстро взглянул на экран вагонного телевизора, успокоился. Фух, еще две остановки, время есть почитать. Поднял телефон на уровень глаз, приготовился продолжать.

И вдруг его как опрокинули. Что-то сильно ударило в голову. Прямо в заднюю часть черепа, но с внутренней стороны.

Споткнулся о выстрел черных, чуть маслянистых глаз в красивой оправе ресниц.

Она быстро отвернулась, потом посмотрела снова, опять отвела взгляд. Несколько раз за несколько бесконечно долгих секунд. Как перезаряжала винтовку.

Телефон мелко дрожал в руке. Читать он не мог. Смотрел на нее и дрожал сам.

А она будто игралась. Лица видно не было, паранджа. Руки в перчатках по локоть, одежда — сплошной балахон. Не понять ни фигуры, ни возраста, ни черт лица. Камуфляж что надо.

Снова стреляет взглядом, медленно пробирается к выходу. Поездостановился, паранджа устремляется прочь. А он с телефоном в дрожи. Стреляли разрывными.

Когда муж заболел, она сразу купила таблетки. В ближайшей аптеке, парацетамол без рецепта. Если у человека температура, всегда нужен парацетамол. Не новомодные препараты с очень сомнительным действием, а годами проверенный парацетамол. Он еще и дешевый. Когда мужу стало значительно хуже, она вызвала врача на дом и снова купила все, что тот прописал. Лекарств было много, в блестящей фольгированной упаковке, в красивых тюбиках и разноцветных банках. Благо, они оба пенсионеры, лекарства купила со скидкой.

Мужу никак не легчало. Приехала скорая, забрала сразу в больницу. На фоне как-бы обычного гриппа открылись другие болячки. Схватило желудок, бешено запрыгало сердце, снова колото в боку. Больничные врачи были немногословны. Провели обследование, взяли анализы, назначили операцию. А вместе с ней выдали список лекарств на покупку. Анестезия, рабочий материал, свертывающие и восстанавливающие средства, еще кое-что по мелочи. Список на две ее пенсии. А еще заплатить доктору, поблагодарить медсестричек, купить покушать мужу для быстрого восстановления. Но как-то нашлась, все купила.

А муж неожиданно умер. Не выдержал операции, подвело сердце. В пустую палату принесли его вещи и огромный пакет с лекарствами. Не пригодились. Она хорошо помнила всю нелепость той ситуации — желтый пакет с надписью THANK YOU! на клетчатом одеяле посреди белой комнаты. Пакет есть, а мужа вот нет. Вообще и никак.

Хоронили мужа скромно. Денег особо не было, хорошо, что помог собес. Дали гроб, деревянный крест, место на кладбище. На бывшей мужьей работе выделили катафалк и накрыли поминальный обед. Из провожающих были соседи по дому, пара общих друзей, несколько сослуживцев. Все поместились в рыжий «пазик» с траурной лентой на боковом зеркале. На кладбище был уже батюшка из ее церкви и пара певчих. Отслужили службу, попрощались с мужем, поехали помянуть. Долго не оставались, было по-мартовски холодно.

Она сразу утратила интерес к жизни. Пока был жив муж, занималась им. Хлопотала по дому, следила за графиком приема лекарств, крутилась. А теперь всего этого не было. В квартире не убирала неделю, есть себе не готовила, сама никуда не ходила. Соседки пытались зайти или хотя б дозвониться ей на домашний. Но без результата. Через неделю встала. Жить надо было дальше.

Дома постоянно натыкалась на бывшие вещи мужа. Клетчатая рубашка, подтяжки под форменные брюки, кепка с кокардой. На балконе ящик для зимней рыбалки, бур, валенки и галоши. В кладовке кое-какой инструмент, удочки и разные снасти. В комнате роговые очки, книжки и ворох газет. Мужа везде было много. Решила, что все продаст или раздаст его друзьям. Дала объявление, позвонила знакомым. Где-то за месяц продала половину всего. Остальное раздала с условием помянуть мужа. Денег особо не выручила, но это было неважно.

Потом она заболела. Гриппом посреди жаркого лета. Соседки дивились, как это возможно. К врачам не ходила, брала лекарства с запасов. За месяц таки оклемалась, хоть было и трудно. По-ходу болезни замучили почки, крутило все тело и постоянно рвало. Казалось, что все противопоказания к ее таблеткам ей же достались. Молилась богу, просила прекратить боль. Тогда впервые подумала, что не хочет так продолжать.

Денег особо не было, пенсии еле хватало на коммуналку и очень простую еду. Когда ты одна, тянуть платежи не просто, особенно, если зимою. Покупала хлеб, постное масло и еще

картошку. Иногда гречку, молоко и масло — варила кашу. Бывало, что брала капусту, варила свеклу, натирала морковку.

В октябре сильно схватил желудок. Она сразу подумала, что это как этой весной у мужа. Позвонила в скорую, приготовила вещи, захватила желтый пакет с лекарствами. Проверила, все еще годное, с покупки прошло каких-то полгода. Ее сразу забрали, повезли в ту же больницу и ту же палату. Обследовали, взяли анализы, назначили операцию.

Погода заметно испортилась, зарядили дожди. За окном было серо и мокро. Деревья быстро теряли листву, в темное небо тыкались трупы старых акаций. Операция должна была быть завтра утром.

Уже после отбоя она встала с постели. Очень медленно подошла к окну, долго всматривалась в мутное отражение ночных фонарей. Прильнула лбом к мокрому стеклу и стала вдыхать аромат. На подоконнике стоял тот самый желтый пакет. Руки наткнулись случайно, противно зашуршал целлофан. Она резко отдернула руки, схватила пакет и закинула через себя в глубину комнаты. Тот глухо упал, треснула баночка, по палате разнесся запах эфира.

Посреди ночи в палату заглянула дежурная медсестраичка. На полу комнаты валялся пакет с лекарствами, у окна сидела старушка. Из открытой форточки поддувало осенним ветром, бесцветные редкие волосы прилипли к уже холодному лбу и щекам. Ничего не видящие глаза продолжали смотреть на желтый свет фонаря. Лекарства снова негодились.

Утренний кофе

Они встретились возле кофейного автомата. Он взял никакое эспresso, она — вообще никакой капуч. Но сразу большой, чтобы пить можно было подольше. Встали за магазином, достали по сигарете. Он вытянул зажигалку, она потянулась за огоньком. Пока прикуривала, смотрела ему в глаза. А он шурился, злился, — кремень совсем не работал. Наконец получилось, зажег сигарету. Сразу ее, свою от нее. Тянули в себя огоньки на кончиках и просто молчали. Кофе стоял на каком-то подоконнике, пепел стряхивали прямо на грязный асфальт.

Она взяла его за руку, он ее приобнял. Положила голову ему на плечо, прямо на погон форменной рубашки. Он что-то искал носом в ее волосах. Все так же молча докуривали сигареты, изредка отхлебывая невкусный кофе. Первым не выдержал он:

— Восемь пятнадцать. Мне пора. Построение. Ты тоже иди, дома ж хватятся.

Она посмотрела на него, словно впервые увидела. Или, скорее, словно могла видеть прямо сквозь человека.

— Да и пусть. Мне-то чего? Мне, может, тут хорошо, а не дома. Дай хоть кофе допить.

Он быстро взял ее за лицо и нежно притянул к себе.

— Да ты пей, пей, конечно. Ты, глупышка, пойми. Я ж за тебя волнуюсь. За тебя. Но мне надо бежать. Служба. Ну и, сама понимаешь.

Поцеловал ее быстро и зашагал к машине, припаркованной прямо у магазина. Уже садясь за руль, заметил как медленно она шла в сторону многоэтажки. Прячала лицо в волосах и беззвучно плакала.

Когда тебе рады

— Поспеши родной, поспеши, — женщина за пятьдесят в форменной юбке и смешном обруче в розочках поверх волос в гульке участливо тянет руку каждому, кто бежит к дальнему вагону запоздалого полуночного поезда. Люди пыхтят, тянут баулы, отпускают провожатых, толкаются в коридоре. Каждый хочет как можно быстрее юркнуть в свое купе и завалиться спать до самого Киева / Львова / Харькова. В вагоне полутемно, но электричества человеческих глаз вполне хватает, чтобы разглядеть обстановку.

Поезд тяжело трогается, и люди одновременно вздыхают, прощаясь со своим важным, порой интимным.

Над общей суетой возвышается женщина-проводник, умело разруливая толкучки, выдавая постели, проверяя билеты. Каждому она находит доброе слово, каждому дарит улыбку. — Может чайку-кофейку на дорожку? У нас свежие прянички и неплохое печенье сегодня, — проводница спрашивает так участливо, что уже за какой-то миг половина вагона мерно стучит ложками по дну железнодорожных стаканов.

Еще через полчаса вагон погружается в сон. Люди устало ворочаются на узких вагонных полках, сопят в подушки, временами храпят. Чтобы еще через несколько часов почувствовать на своей ладони ласковую щекотку и слова той улыбчивой проводницы:

— Вставай, родной, Станция. Вставай, ждут тебя там. Они. Тебе Рады.

— Мужчина, не щекочите мне пятки, — женщина лет тридцати игриво выглядывает из-под одеяла в купе ночного поезда, улыбаясь парню, случайно задевшему ее ноги своей курткой.

— А что поделать, места в купе мало, а нас тут всех много, — не менее игриво отвечает парень.

Верхняя полка идеальна для путешествий в поезде. Во всех отношениях.

Во-первых, это отличный мобильный сейф.

Как не дать увести любимые туфли? Поставь их на верхнюю полку, желательно все же третью.

Как не искушать ночных попутчиков содержимым собственной сумки? Закинь сумку под голову и лучше повыше.

Во-вторых, это отличный наблюдательный пункт. Чего только не услышишь со второй полки, ну например.

Поезд «Запорожье — Львов».

Разговор двоих у купе:

— А шо то за город, Львов? Там хоч аптеки є які?

— Та є. Я когда тріпер свій лікував, то аптека була прямо під хатою.

— А, ну лады. А ты чего поездом поехал?

— Ну так автобусом очканул, скользко. А самолетом дороговастенько нынче.

— Та да, та да.

Таких разговоров много, успевай только записывать. Или лучше запоминать, ведь иногда за услышанное можно и схлопотать.

За увиденное тем более.

Ночь, купе, на нижней полке двое. Судя по масштабам фигур, парень с девушкой. Сидят напротив друг друга, с ногами на одеяле, обнимаются. Он очень страстно, она как-то отстраненно. Все происходит без единого звука, но очень чувственно. Похлеще бродвейских театров.

Вдруг темень купе разрывает экран мобильного, забытого на столике. На экране видно «Малышка, люблю. Доброй ночи».

И все, девушка уже все. Ничего не хочет, только спать. А парень-то злится, сычит ей на ухо что-то. Но девушка непреклонна.

Ну и конфликты удобней гасить тоже с верхней полки. Солдаты едут на фронт, с фронта, в часть. Лыжники едут в Буковель, с курорта, домой. Студенты едут на конференцию, на задание, с конкурса.

Все пьют. И много. И помногу тоже.

Обычно их собирается сразу полное купе, человек по шесть-восемь на двух нижних полках. Обычно они садятся уже заряженные и с явным желанием найти приключений. Обычно именно в твоём купе.

Что тогда делать, каждый решает сам, исходя из личного опыта, жизненных

обстоятельств и силы горла, печенки, мускул.

Но со второй полки отстреливаться все же удобней.

Ну, и хорошо на верхней полке просто поспать. Зашел в поезд, получил постель, расстелился по-шурику и завалился себе. Спишь до самой станции назначения. Или читаешь что-нибудь. Красота.

Верхняя полка — она классная. Особенно подходит индивидуалистам или просто уставшим путникам.

Где моя бабушка?

По грязным от растаявшего снега ступенькам в маршрутку быстро вбежала девочка. Не видя никого конкретно, она перебегала от пассажира к пассажиру, тыкалась в них меховой шапкой, водила по заплаканному лицу мокрыми варежками и громко кричала: — Бабушка! Где моя бабушка?

Пассажиры ошарашенно смотрели на пятилетнего ребенка, некоторые беспомощно разводили руками. Пока кто-то один не крикнул: — Водитель, постойте. Тут девочка потерялась. Сейчас мы пойдем искать бабушку.

И в следующий миг сильные руки парня подхватили девчушку на руки, и вот они уже вместе выпрыгнули из маршрутки прямо на грязный снег остановки.

По ней металась женщина в такой же меховой шапке, но только побольше. Она постоянно заглядывала то под лавку, то за мусорную урну, то под стоящие автомобили. Двигалась быстро, молча, в слезах.

В какой то момент женщина увидела девочку. Широко раскинула руки и словно прыгнула в сторону парня с ребенком. — Не у-бе-рег-лааа. Прости меня, деточкаааа, — протяжно завывала женщина и схватила девочку на руки.

Вся остановка молча следила за сценой, временами сдувая с лиц надоедливые снежинки. Лица были мокрыми, то ли от снега, то ли от слез.

Первым очнулся тот же парень.

— Так, мамаша. Вы там поаккуратнее. Ребенок же все-таки.

Сказал и ушел. На остановке так же плакали двое в одинаковых шапках.

Плач в маршрутке

В переполненной маршрутке стоял мальчик лет шести. Чертил пальчиком по стеклу и плакал навзрыд. Слезы катились по его розовым щечкам, отражались в мутном окне. По стеклу текли капли дождя, надоедливо моросившего целое утро. Мальчик ни на кого не смотрел и просто плакал. Острые плечики нервно подрагивали в такт дерганьям автомобиля, мальчик постоянно всхлипывал и немного скулил. Пассажиры маршрутки старательно делали вид, что это их не касается. Отворачивались от мальчика, не смотрели на его маму. Только один, ближе всех к мальчику, тоже беззвучно плакал.

Так они и рыдали, двое в одной маршрутке. В дождливый день, по дороге из госпиталя куда-то в обычную жизнь.

Дурочка с ушками

— Де-нис, да? Денис, сделайте что-нибудь, чтобы за ней не следили. Ярko накрашенная девушка на лабутэнах с прищуром вглядывается в бэйдж продавца айфонов и показывает пальцем на похожую, но чуть более тощую девушку. — Понимаете, Денис, ей парень прохода не дает. Он точно знает где она, с кем переписывается или разговаривает. Он даже вайбер ее читает. Бедная Лиза. И это все через ее айфончик, понимаете?

Лиза стоит потупившись, перебирая в нервных пальцах телефон с ушками Мышки. Всем своим видом она выражает горе.

— Ну, давайте сначала проверим, включена ли у вас геолокация и что там с аккаунтом в айклауд. Можно ваш телефон?

Денис старается излучать сочувствие, но в его глазах читается полное непонимание просьбы гламурных барышень.

— Парень у нее дикий. И ревнивый ужасно. Понимаете, он все время Лизу подозревает. Думаю, он и телефон этот подарил только для того, чтобы следить за Лизок. Я в этом уверена.

С каждым новым фактом о траблах подруги девушка все более распаляется и уже незаметно для себя подпрыгивает на лабутэнах. Лиза все также безучастно стоит рядом и не моргая смотрит на свой айфон в руках магазинного консультанта.

Денис покрутил в руках телефон, быстро полазал в настройках и аккуратно крикнул. — Тут такая история. Геолокация не включена. Значит телефон местоположение не передает. Айклауд активен. Если тот парень знает пароль, а телефон автоматически бэкапится в облако, он может видеть все, что есть на телефоне. Включая смс и звонки. Ну и переписку в Вайбере.

— Че-во? — Мисс лабутэны явно не поняла пояснений парня и всем своим видом требовала пояснений — Вы можете па-нар-маль-ному сказать?

Лизок и дальше бездумно пялится на телефон, ритмично пережевывая жвачку.

— Зато он меня любит, — вдруг выдала Лиза, не обращаясь ни к кому конкретно.

Денис снова крикнул и с видом авторитета заявил:

— Вы бы пароль сменили. Самый надежный способ. Ну и Вайбер может быть на компе еще поставлен. Или планшете. Вот с них ваш парень и может читать переписку. Но тут я помочь не в силах.

Девушки внимательно слушали парня, всматриваясь в рот Дениса, словно стараясь прочитать по губам услышанное.

— И, вообще, вы поймите, нормальный человек не будет следить за другими. Тем более, когда без включенной геолокации. Разве что, он у вас эсбеушник и имеет доступ к вышкам мобильного оператора.

— Ну да, эсбеушник он. Вернее, экономична бэзпека. Но это один хуй, в общем. Я ж говорю, не зря он айфон этот клятый подарил. Так что, только пароль надо новый и все?

— Да, пароля достаточно.

— Лизок, меняй. Давай такой — ВоваТыКозел. Чтобы не забыть, если что.

Лиза радостно улыбнулась подруге и уточнила чуть слышно:

— Давай. А в какой раскладке писать?

— Да мне похуй. Главное, чтобы тебе ж, дуре, удобней. Дуреха ты у меня, подруга.

Совсем дуреха.

Даже не взглянув на парня, девушки гордо застучали тонкими каблуками в сторону выхода. Из заднего кармана джинсовых шорт Лизы торчал телефон с ушками. Те плавно покачивались вправо-влево при каждом шаге дурехи.

Хуже всего Жуже

Хуже всего Жуже. Она живет в будке, на улице у старого дерева.

Жужа ест, что придется, и всегда, что дают. Жужа много гуляет, нюхается с собаками и плохо спит. Особенно зимой.

Холодно.

Хуже всего Димке. Он живет в доме, но ложится спать, когда скажут. Димка ест много, в основном, что дают. Димку будят рано и водят в садик. И всегда зимой. В садике гуляют. Мало.

Хорошо Жуже.

Хуже всего Лизе. Она встает рано, ест, что дают, или готовит сама. Лиза ходит в школу и еще на кружки. Она убирает в доме и иногда на улице. Помогает с младшим и редко ходит гулять.

Хорошо Димке.

Хуже всего Стасу. Он живет в доме, плохо ест, особенно, что готовят. Иногда имеет карманные, но минималку. От Стаса все постоянно требуют — приходить рано, помогать в доме, поступать в институт. А ведь он только начинает жить.

Хорошо Лизе.

Хуже всего Маме. Она работает днями, готовит кушать, постоянно решает вопросы детей. Мама давно нигде не гуляет, ест, когда получается, спит в транспорте на работу. Мама чертовски устает помогать.

Хорошо Стасу.

Хуже всего Папе. Он редко приходит рано, ночует где придется, ест, когда есть. Папа много работает и не отдыхает совсем. Он заставляет Стаса, помогает Лизе и совсем не успевает с Димкой. Папа давно не нюхался с Мамой.

Хорошо Жуже.

Теперь готовы

Зашли они молча. Сели привычно за столик возле окна. Не говоря ни слова, официантка поставила перед ними бокал с пивом и стакан с лимонадом.

Пили без слов, подолгу смакуя каждый глоток. Иногда смотрели друг на друга, улыбались беззвучно.

Одинаковыми улыбками на похожих лицах.

Одно было заметно постарше.

Допили, расплатились. Уже у выхода старший взял второго за руку:

— Пошли, прогуляемся. Теперь мы готовы, внучок.

— Главное, не брать эту картошку фри. Она, блядь, опасная, как и эти все майонезы тяжелые, — процедил в сигарету в зубах плотный мужчина лет сорока и увел за рукав спутника тех же лет, уже заходящего в двери Макдональдса.

— Так, а что есть, Колян? Я ж без жратвы не могу, мне работать еще, — спутник явно был недоволен перспективой веганского салата вместо жирной котлеты.

— Да будет пожрать, будет. Ща пойдем, блинчиков заточим. С итальянским сыром блинчики, блядь. Только вот докурю, ок? — Колян быстро хватает ртом сигаретный дым, одновременно хукая в красные от холода руки.

— Колян, ты не прав, брат. Майонез тебе, блядь, плохо. А вот сигаретки твои, маты твои, блядь, — хорошо. Не прав ты, Колян, — спутник явно не хотел блинчиков.

— Да понял я, Ваня, понял, — Колян наклонился к спутнику и более спокойным, даже заговорщицким голосом прошептал: — А пойдем, брат, вискаря хряпнем. Для сугрева хряпнем. Нахуй нам те блинчики, брат?

И мужчины быстро засеменили в сторону ближайшего бара, прямо напротив Макдональдса.

Київські усмішки

* * *

— Мальчики прямо, девочки налево. А хотите, идите вместе налево, там никого нет. Я никому не скажу, гыгыгы, — старушка зычным голосом дает инструктаж влюбленной парочке у туалета в киевском ботсаду.

Парень возликовал, девушка засмущалась. В темный проем здания они заходили порознь.

* * *

— Сонечко, бумажкі у фонтан не кидай, — повчає молода мама трирічну доньку.

— Але, але ми ж кидали ланісе, — спантеличено відповідає мала, силуючись чітко вимовити кожне слово.

Говорить це голосно, так, що обертаються люди у парку.

Мама ніяковіє, нахиляється до дитини і шипить їй в обличчя доволі виразно:

— Так, доця. Але ж тоді фонтан був грязний, тоді було можна. Зараз його почистили. Служби кієвськіє. Мабуть, до виборів готуються.

* * *

— Три, — чоловік років за п'ятдесят простягує сильно пожмакану двадцятку касирші на одній з київських станцій метро.

Та звичним рухом відраховує три жетони та 8 гривень решти.

Раптом чоловік вихоплює з тої купи дві двійки, повертає їх назад у віконце і голосно кричить:

— А знаєте що, дайте іще один. Покатаюсь сьогодні!

По суворому лиці касирки поповзла ледь помітна посмішка.

Пиджачки на линейке

Последний звонок, школа, начало линейки. Где-то в последних рядах сектора выпускников стоят двое.

Первый — повыше. Пиджачок горчичного цвета, вылинявшие, когда-то синие джинсы, стоптанные мокасины. В руках зонтик-тросточка, на голове бейсболка набекрень, из-под которой демонстративно торчат довольно длинные волосы. Пиджак расстегнут, под ним футболка с кроваво-красным логотипом «Metallica».

Второй заметно пониже. В строгом, наглухо застегнутом пиджаке, отутюженных брюках и до блеска начищенных туфлях. Галстук удавкой надежно обхватывает тонкую шею. В руках непонятная папка, в глазах стыд за того, что в бейсболке.

Заиграл гимн, люди заметно примолкли. На фоне малопонятных слов, всеобщей тишины рядов и оживления у микрофона, как выстрел, раздался густой мужской голос:

— Давай сынок, иди. Горжусь тобой. Очень.

И длинноволосый мужчина нежно подтолкнул застегнутого парня в нарядные ряды линейки. Прямо в выпускной класс школы.

При ней он не пил алкоголь

При ней он не пил алкоголь. Никогда. А еще не курил. Хотя и хотелось. Она страшно этого не любила, людей, которые пьют и курят. Просто смотрела молча, с отвращением на красивом личике и тихо качала головой. Этого он вообще не любил.

Он даже в офисе ввел специальное правило- праздники и корпоративы без алкоголя. Дабы не провоцировать. Но выходило, как на комсомольской свадьбе. Сослуживцы чинно ели тортики и пили вкуснейший чай. Делали вид, что слушаются эксцентричного шефа. Но к концу застолий половина всегда сидела с красными носами.

Если хотелось выпить, он собирался с друзьями где-то подальше от дома. После литра пива пил капучино, после литра вина брал два допио. Даже не знает, как сердце выдерживало такие нагрузки от кофе. Но домой приходил трезвым и с запахом мяты. Жвачка всегда валялась в кармане куртки. Пахнул мятой и дорогим парфюмом, который она так любила.

Вообще, это он сам когда-то и начал. Рассказал домашним, почему алкоголь зло, как неадекватны люди под его воздействием и чем это все заканчивается. Она сразу и ухватилась. Уточнила детали, попросила примеры, а потом взяла клятву, что пить он не будет. Отказать было практически невозможно. Особенно, когда та смотрела лучистым взглядом с хитринкой и удивлением в милых глазках. Ее подвести он не мог.

Она, наверное, главное, что случилось в его взрослой жизни. Только она появилась, сразу для себя и решил, что не подведет. Слишком долго ждал, слишком долго надеялся. Поэтому не мог подвести. Она это чувствовала и уважала за это. Делилась секретами, просила совета. Относилась к нему, как к богу. Это окрыляло очень и сильно обязывало быть лучшим.

Он и старался. Не пил, не курил при ней. И домой приходил трезвым. Не мог подвести восьмилетнюю дочь, очень похожую на свою маму. Не мог посмотреть ей в глаза и сказать, что подвел.

Боги, они без грехов. Если в них искренне верят.

Она просто была другой

Она просто была другой. Более отзывчивой, более человеческой что ли. Воспринимала все как-то лично. Вот как Майдан.

Да, собственно, с Майдана все и началось. Прочитала в соцсети призыв, пришла прямо с работы. Так и осталась. На все дни Революции. И даже дольше.

Пока было холодно, ходила в гламурной шубке. Прямо посреди палаток, бочек, кульков с провизией, дров. А как потеплело, сменила ту шубку на ярко-зеленую куртку. Но всегда была там, на Майдане. В месте Силы, Свободы, Выбора.

Ее уводили последней. Ее и еще два десятка таких же защитников идей Майдана. Уже когда победили, сформировали правительство и даже провели выборы. Уже когда было ясно, что вот, началась новая эра. Она никак не шла, все требовала. Хотела лично проверить, что точно есть перемены. И потому не шла.

Палатки в тот день сметали прямо с жильцами. Первых на свалку, вторых — в АТО. Она тоже поехала. Никто не просил, никто не требовал ее личного вклада. Но она так хотела сама.

На фронте было по-всякому. Но всегда было честно. Там сепары, тут наши, там власть, здесь братство, везде смерть — все было понятно. Если б не гибель парней, было бы даже сносно. Но они умирали. А онанет.

С тем и вернулась домой. Киев был очень ей рад, она ему — нет.

Майдан — площадь.

Люди — жители.

Город — город.

И не больше.

А ей так хотелось больше.

На второй год стало чуточку легче. Но снова хотелось назад. В уже разбомбленные Пески, в захваченное Дебальцево, поближе к ребятам в Попасной. Или хотя бы в Краматорск.

Она просто была другой. Воспринимала все как-то лично.

Время остановилось утром

Время остановилось в 07.43 утра воскресенья. Больше не было выходов за кофе с мороженым, не было тренировок трижды в неделю. Не было рабочих совещаний и дружественных поддевок на перекурах. Не было вечерних вылазок в тот, любимый клуб и походов в кино. Не было полуофициальных встреч за бокалом и тайных свиданий за ланчем по средам. Не было разговоров на лестнице, криков на улице, шепота в пятницу. Ничего этого не было.

Его не видели уже неделю, думали, снова куда-то уехал. Он часто куда-то ехал, особенно, если страдал. Из-за очередных чувств, а еще непогоды. С непогодой было хуже всего, особенно с ноября по март. Поэтому он и ехал. Брал любые командировки, только чтобы подальше. Любил самолеты, часто летал. Накапливал мили, повышал класс, собирал баллы.

Пару раз в год за собранное покупал аукционные билеты и снова летел. Но уже по своим делам. Рейсы выбирал максимально сложные, чтобы с пересадками и в экзотические места. Чтобы подальше от давних воспоминаний и дома.

А дома пахло аптекой. Смесью запахов мази, уколов и каких-то таблеток. Сверху, как масло на бутерброде, все накрывал смрад ментолового бальзама. Было понятно, что дома болеют. Не было понятно, чем.

Руку он поломал в пятницу утром. Спешил на тренировку, неудачно упал. Сначала думал, обычный ушиб, даже отзанимался, как прежде. Но потом болело все сильнее. После работы пошел в травмопункт, сделал рентген. Сложный перелом предплечья, разрыв сухожилий и гематома. Как это все получилось при вроде обычном падении, он просто не знал. Сразу наложили гипс, выписали таблетки, уколы, больничный. Прописали три недели покоя, без работы, нервов, каких-либо нагрузок.

Суббота прошла вполне нормально. Было не очень удобно, особенно когда одевался и ел. Но сколько там надо одежды, когда ты один дома? С едой примерно все так же. По привычке прочитал все мейлы, ответил на них коряво, набивая здоровой рукою короткие ответы-отписки. Посмотрел пару серий свежего сериала, почитал давно начатую книжку. Потом поспал, снова поел, дальше что-то выпил. Вечером лег пораньше, делать ничего не хотелось.

В воскресенье они остановились. Наручные часы с подзаводом. Еще с пятницы не надевали, пружина ослабла, завод закончился. Так и лежали на полке, поблескивая циферблатом в тишину пустой квартиры.

За окном гуляли дети, спешили куда-то взрослые. Непривычно рано как для воскресенья в марте. Но, скорее, нормально, учитывая перевод часов. Всех, кроме тех на полке. Время остановилось утром. В 07.43 воскресенья.

Двадцать лет, наверное, срок. Не для вселенной, конечно. Но для страны — да. А для города, района в нем, человека с того района — тем более срок.

Школа была как-бы та же. Только уже без забора. В один, особо тяжелый год весь забор ушел на метал. А столбики школьной ограды кому-то на стены. По кирпичику ушли. Но трава на поле была та же. Выжженная солнцем трава, местами пощипанная козами и парой местных коров.

В остальном все осталось как есть. Лишь брусья на спортплощадке покрасили в сине-желтый. Под цвет национального флага, вроде.

Был День независимости страны. И людей с флагами и в вышиванках гуляло действительно много. Больше чем двадцать, десять и даже пять лет назад. Правда много людей.

Они неспешно ходили по улицам, обмахивались флажками и выгуливали новые туфли. Китайские новые туфли по старой щебенке плохо посыпанных дорог.

Многие шли из магазина. Часто с праздничными бутылками. В основном, конечно же, пиво. Но попадалась и водочка. Каждый второй с пивом, каждый третий — с водкой. У людей все-таки праздник.

В самом магазине совсем нелюдно. Охранников как-то больше. Те внимательно ходят по залу, следят, чтоб чего не слямзили. О том, что такое бывает, о том, что бывает часто, понятно по их глазам. По холодным, внимательным взглядам, которыми персонал сканирует каждого в магазине.

На лобном месте при кассе стоит разноцветная стойка. В ней много-премного коробок. Поменьше — с презервативами. Побольше — с тестами на беременность. Стойка стоит при кассе, значит товар ходовой. Тесты берут чаще.

Есть на районе церковь. Даже уже две. Мужской монастырь вместо некогда школьного магазина. Молитвенный дом вместо некогда частного дома. Оба божьих храма отстроили вполне добротно — большие, капитальные здания заметно возвышаются над округой.

На стене поликлиники агитка. Выжженная солнцем и вымоченная дождем листовка. На ней хоть и сложно, но все еще можно прочесть — «За Единую Украину». И номер в бюллетене на выборах 2002 года.

А доллар так же и скачет. Скачет уже лет двадцать. Поэтому люди привыкли. Поэтому людям пофиг.

У них есть еще рынок. И баров все так же много. Утром торгуют на рынке, чем и кому придется. Вечером пьют в баре, кому на что хватит.

В принципе, всех устраивает.

А два пацаненка на лавке мечтают о самокате. Рассказывают друг дружке планы, делятся своими секретами.

На древней такой скамейке во дворе постаревшей высотки. И верят, что скоро будет

Новое
Лучшее
Время

На лавочке у купели лежит себе бомж. Обычный, худой, патлатый. Греется в еще теплом осеннем солнце. Сам в непонятных трусах, под головой сумка с вещами.

Вокруг копошатся люди. Набирают воду, окунаются, принимают воздушные ванны. Как всегда в хлопотах, проплывает баба Люда. Она тут следит за порядком, старшая по святому месту.

— Рооомчик. Помоги пожалуйста, Ромчик. Сама не управлюсь, — баба Люба отчаянно борется с молоденькой ивой, пытаюсь обвязать непослушные ветки, чтобы те не падали в воду.

Людмила жалостливо смотрит в сторону лавочки, на которой загорает Ромчик.

— Щас, разбежался. Ты не видишь, я отдыхаю? Не могу я, Люда.

— Не можешь? Ну то прости меня, Рома.

— И ты меня, Люда, прости.

Сказал и уснул. А Баба Люда в одиночку продолжила битву с ивой.

Минут через двадцать Ромчик проснулся. Сел на лавку, залез в сумку, достал пузырек. Обычный, аптечный, для перекиси.

Неспешно открыл, залпом выпил и занюхал подмышкой.

Затем встал, сложил пузырек в сумку, огляделся по сторонам.

Довольный, Ромчик снова уселся на лавку. Подтянул под себя ноги и надолго замер. Медитируя в позе лотоса.

Красивая девушка лет двадцати прямо посреди оживленной улицы быстро встала на цыпочки. Затем потянулась вверх, потом снова опустилась на землю. Неспешно подошла к ближайшей опоре, удобно взялась за нее, начала махи ногами. Вперед и в сторону, снова вперед. Раз по семь-десять каждой.

Уже через пару минут на невиданное представление собралась толпа зевак. Девушка снова выпрямилась. Спина прямая, руки перед собой, кисти полусогнуты навстречу друг другу.словно у дирижера перед началом концерта. Ноги прямые, пятки вовнутрь, носки наружу.

Девушка с задатками балерины начинает чуть-чуть приседать, медленно разводя руки в стороны и сразу назад. Подбородок вздернут, взгляд прямой, ногти отливают перламутром лака. И ничего, что вместо балетной пачки на ней очень короткие шорты, а вместо пуантов — стоптанные мокасины.

Похоже, публике импровизированная репетиция нравится. Мужчины одобрительно ухмыляются, женщины неодобрительно цокают языками. Но мужчин, конечно же, больше. А девушка все продолжает, не обращая внимания на толпу. Ритмично, как заученно повторяет движения, не нуждаясь ни в музыке, ни в подсказках из зала.

Так длится еще минуты четыре. Толпа начинает скучать. Было понятно, что мужчинам хочется большего, а женщины уже и не против уйти по домашним делам. Кажется, еще секунда, и люди просто исчезнут.

Но вдруг девушка останавливается, быстро заходит в палатку с квасом, наливает себе полулитровый стакан и резко кидает в толпу:

— Покупайте квасок. Лето ж в городе. Жаркое. А квасок у меня холодный.

Через секунду половина зевак уже стояла в очереди за квасом. Остальные спешили дальше, обсуждая друг с другом и телефоном предприимчивость молодой балерины. Июльское солнце привычно выжигало новый температурный рекорд города.

Его силуэт кажется вполне обычным. Смешные острые плечи, длинные руки и широкая, немного сутулая спина. Кажется, когда он стоит, то немного горбится. Самую капельку. И пахнет он обычно. Смесью из запахов летней улицы, печеных каштанов и ноток дорогого парфюма. Этот запах приятно щекочет ноздри и кажется очень родным.

Он сияет весь чистотой и уверенностью. Впрочем, как и всегда в эти дни. По случаю праздника разодет ярко, со вкусом, немного с вызовом. Чувствуется, что с ним весело и одновременно спокойно. Радостно просто оттого, что он есть.

Она ощущала, что будет подвох. Вроде, все было обычно. Она приехала, встретились, и сразу же закружило. Дни и короткие ночи сплелись в одно длинное кружево. Помнились только лица, запахи, вкусы и почему-то огни. Все остальное просто смешалось в памяти, вызывая приятную негу и желание спать.

Но сегодня все было не так. Казалось, он делает все, чтоб расстаться. Хмурит брови аж до грозовой черноты. Брызгает мелкой слюной, словно оплевывая з головы до ног. Включает громкие звуки, перекричать которые не может даже мощный бумбокс. И постоянно норовит затеряться в огромной толпе.

Люди косяками идут в разные стороны, увлекая за собой случайных зевак и просто прохожих. Он есть среди них, он везде и одновременно нигде.

От этого рвется сердце. Жалость к самой себе и вдруг утраченному чувству больно распекает грудь. Кажется, что где-то в глубине души поселилась вечная мерзлота. Она медленно охлаждает легкие, замораживает сердце и душу. А потом с усердием заправского садиста раскалывает все на кусочки. От этого становится пусто, холодно и совсем одиноко.

Она кутается в шифоновый шарфик, стараясь спрятаться от надоедливой измороси. Ее бьет мелкий озноб, хотя людям вокруг по-летнему жарко. Ей плохо так, что кажется, что вот-вот стошнит. Прямо ему под ноги, а лучше сразу в лицо. А потом крикнуть, что все кончено. И это она так хотела, а вовсе не он.

Но он не услышит. Ему все равно. Большому городу, любимому всеми.

Секс на всю ночь пах селедкой

Встретились они случайно. Попали на общую конференцию. Та была скучной, долгой, на целых два дня. На кофе-паузе он ее и заметил. Девушка стояла себе в сторонке, искала что-то в своем телефоне. Подошел, попросил зарядку, пообещал скоро вернуть. Она согласилась. На обеде вернул, подсел за ее столик. Потом опять пили кофе, на ужин пошли уже вместе.

Гулять было холодно, февраль. Она у него и осталась. В гостинице горячей воды не было, ни помыться, ни подмыться толком. После первого секса он предложил полотенце. Потом еще. Не спали всю ночь, полотенце использовали трижды. Потом таки уснули, проспали начало. Собирались быстро, был почти полдень.

Под кроватью валялось полотенце. Пахло селедкой.

Всю зиму она готовилась к тестам. В принципе, было не сложно. Она хорошо училась, имела все нужные книжки, знала как организовать себя. Нет, готовиться было даже легко. И приятно. Но очень ответственно. Там, в Киеве зачем-то решили, что в этом году подавать документы можно только в пять вузов. И важно было не ошибиться. Ведь если вуз сильный, а желающих много, есть все шансы пролететь. А в слабый идти не хотелось, семейная гордость.

«Все шансы пролететь» — любимая фраза папы. Ну как можно так негативно думать? Ведь шанс, это ж о чем-то хорошем. А он — про-ле-теть. Всегда так и говорит, разбивая слова на составные части, словно щебень дробит. Да в принципе, как ему еще говорить, трактористу из местного карьера?

Пролететь она не хотела. Иначе светило только село. Работа на жадного фермера и тупые разговоры на брусках у школы. Больше в селе делать особо и нечего. Мама так и сказала, тебе светит или университет, или свинарник Прохорыча, выбирай. Она и выбрала —, готовиться.

Тяжелее было весной. Кроме подготовки к тестам надо было все успевать. Весна в селе трудовая. После зимы много чего починить, еще посадить огород, навести по хате кое-какие порядки. Короче, вкалывала как проклятая целые март и апрель. Даже на улицу не выходила, разве что в школу. В мае чуток стало легче. Кажется была готова, из домашнего только работы на огороде. Потом были тесты. Один за другим, целый месяц. Сдала все хорошо, лучше всех в классе на десять душ.

Документы подала прямо через интернет. Слово в американском фильме. Только тут не кино, с интернетом в селе плохо, программа подачи документов часто висела. Хорошо, что директорша помогла. Дала свой компьютер на все время работы. У нее был лучший компьютер и быстрее интернет в школе. Год назад ей поставило районо в рамках компьютеризации сельских школ. Почему только ей, загадка. Директорша говорила, что всем проводить просто опасно, народ в школе дикий.

Результаты пришли в августе. Она поступила. На бюджет, на эколога, в местный технический университет. Областной центр в принципе был и недалеко, километров сорок. Но каждый день не наездишься, решили брать общежитие. На квартиру, даже в складчину с кем-то, денег особо не было. Разве что на проезд, учебники и продукты из дома.

Она поселилась первой. Очень хотела уехать из дома, к новым ощущениям, друзьям, приключениям. Надоело сидеть и чего-то ждать, хотелось уже что-то делать, куда-то бежать, что ли. Соседки попались спокойные, все тоже из области. Одна экономистка, вторая — будущая строительница. Сразу договорились, что в комнате будет чисто, готовят сами по сменам, домой никого не водят, на мультиварку и холодильник вместе собирают деньги.

В октябре уже стало неинтересно. Нет, занятия были вполне себе норм. Не все понятно, не все аж так и полезно, но в целом — нужно. Домой задавали тоже немало. Учиться приходилось часов до семи. Сначала пары, потом университетская библиотека, потом что-то дома. Она свою комнату и называла — дом. И девочки тоже. Хорошие у нее девочки, спокойные. Не пьют, не курят, даже не матерятся. О парнях не разговаривают, с мальчиками дел не имеют.

А ей хотелось. Непонятно чего, наверное, отношений. Дома-то было некогда, да и особо

не с кем. А тут — свобода, целый универ парней на любой выбор. Только повода не было. Ради этого повода она и пошла в студклуб. Там готовили конкурсы и программу на День студента. Она согласилась просто помогать в чем ей там скажут. Переписывала слова для каждого, искала реквизит, оценивала костюмы, бегала за бутербродами и за пивом, в общем, — она помогала. Быстро стала своей, много времени проводила на репетициях. Сама не играла, боялась сцены. Но за Вовку очень болела. Он умел надо всем посмеяться, умел легко обо всем говорить. Он и сам был какой-то легкий, с чертиками в глазах и вечно взъерошенной челкой. Вовка и сам смеялся над этим, говорил, что экономит на расческах и геле. Смешной он был, Вовка.

На День студента выступили хорошо. Ребята все волновались, выпили перед началом немного. Бутылку дешевого коньяка на десяток людей. Чтоб не страшно и чтобы согреться. В клубе было холодно, отопление работало плохо. Народу набился полный зал, кажется, все первокурсники. Даже ее соседки пришли, махали ей где-то из задних рядов. А она была с выступающими. Смотрела из-за кулис в зал, волновалась. Вроде ж не ей выступать, а она переживала. За ребят, за номер, за Вовку. За того, наверное, больше всего. Нравился ей этот Вовка, нравился.

Когда все закончилось, подарили цветы и грамоты, сказали слова поздравлений и разошлись. А они вот остались отметить. Идти никуда не хотелось, на улице шел ноябрьский дождь, ужасно противный и бесконечный. Кто-то сбегал за водкой, другие за закуской, третьи, и она с ними, прибрались как-то в гримерке. Там и засели. Она пила в целом немного. После каждого тоста поднимала свой пластиковый стаканчик, чуть-чуть пригубив, ставила тут же назад. И так раз с десятков. А потом подсел Вовка. Он был уже заметен пьяным, широкая многозначительная улыбка растеклась по красивому лицу, глаза прыгали из стороны в сторону, силясь сконцентрироваться на чем-то одном. Но в целом он был как всегда красив и с привычно подвешенным языком.

Она не заметила, сколько выпила. Вовка что-то ей говорил, говорил и наливал. Они пили, потом целовались. Никто уже не обращал внимания, люди разбились на группки и просто весело убивали время. Вовка сказал, что замерз, попросил подыскать ему что-нибудь из одежды. Она же тут все прекрасно знала, встала, чтобы пойти в костюмерную. Вовка увязался за ней, говорил, там и примерит.

Он навалился сразу, только они вошли. Прижал ее со спины к пыльным костюмам, повалил на пол. Она была ошарашена и даже на сопротивлялась. А он распалялся, быстро входил в раж. Пьяным, но уверенным движением задрал ей юбку, начал тянуть колготки. Капрон тянулся и рвался, стрелки, как метастазы, расходились по обеим ногам. Она сидела в оцепенении и просто смотрела невидящим взглядом. Было темно, но постепенно глаза привыкали. Она видела полутемную фигуру Вовки, нависшую над ней, дышащую перегаром и пирожками с мясом. Видела, как тот долго возился в штанах, а потом вытянул бледный и тонкий, но достаточно длинный член и поднес к ее раскрасневшемуся лицу. Все происходило молча. Он просто приставил член к ее рту, надавил на губы и решительно взял за голову.

— Соси, сука, — слова прошипели хлестко как снайперский выстрел, тихо и четко. Вовка сильно схватил ее за уши и воткнул свой кол в беззвучно кричащую глотку. Ее тошнило, недавно выпитое лезло наружу. Дышать было почти невозможно, нос тыкался в несвежие брюки, лицо кололи жесткие волосы. Слезы градом катились по ее лицу, капали ей на грудь, ему на штаны, на член. Тот вздрагивал при каждом таком попадании,

одновременно горячем и сразу холодном контакте.

Промурыжившись какое-то время, Вовка устал. Она тяжело дышала, он что-то искал в штанах. Тускло блеснула фольга, комнатку наполнил слащавый запах ванили. В полумраке она видела, как Вовка натягивает кондом, как небрежно кидает упаковку на землю, распрямляется всем своим телом, а потом снова наваливается на нее.

Она ничего не чувствовала. Ни боли, ни его фрикций. Только гадливость и унижение. А еще сильный запах ванили. До тошноты в натруженном горле. Вовка был пьяным и долго не мог кончить. Она не мешала, она вообще словно была не там. Когда все закончилось, Вовка молча ушел. За стеной кто-то смеялся, на улице снова шел дождь. В уголке темной комнатки лежала она и плакала. Пахло ванилью и отвращением.

Лечение пахло бульоном

Мама заболела внезапно. В смысле, она часто болела, возраст. Но так, чтобы резко, чтобы не могла ходить, чтобы сама попросила помочь — так в первый раз. Как бы и жила не так чтоб далеко, но виделись нечасто. По меркам большого города, так вообще близко жила. Десять минут на машине, двадцать на маршрутке, полчаса на троллейбусе.

В детстве она ездила на троллейбусе. У нее был проездной, а маршруток тогда совсем не было. На машине, само-собой, в школу не накатаешься. Она теперь и жила возле той обкомовской школы. А мама жила в их старой квартире, в получасе троллейбусом.

У нее всегда были ключи от квартиры родителей. Были еще с детства, замки так и не поменяли. Но после замужества никогда не приходила без спроса. Никогда не открывала сама. Из уважения к дому родителей, из уважения к их семье. А сегодня взяла ключи и поехала. Потому что заболела мама. Сильно заболела.

В квартире стоял полумрак и сильный запах карвалола. Даже не ясно, что чувствовалось сильнее. В дальней комнате тикает старый будильник и спит мама. Она тихонько зашла в комнату, проверила, все ли в порядке, пошла с принесенным на кухню. От всех напастей отлично помогает бульон. Так говорила мама. Тьфу ты, почему ж «говорила»? Мама так говорит. Куриный бульон, на втором наваре, и чтобы курочка обязательно была домашняя. Она такую и принесла, из эко-лавки в своем районе.

Поставила курицу, разложила покупки, снова проверила маму. Спит. Будить не стала, решила подождать, когда проснется. Пока мама спит, пошла в свою комнату. Та, словно, и не поменялась. Нет, ну понятно, что комнату обновили с ремонтом. Но все в ней осталось прежним. Пианино — для занятий в музыкальной школе, трельяж на три зеркала, шкаф платяной. Диван вот уже новый. А еще шторы. Ну и стены уже не под краску, а в модных обоях с переливчатым абстрактным узором.

Боже, как же она не любила ту музыкалку. А мама любила. Пришлось отходить целую вечность, раз мама любила. В верхнем правом углу трельяжного зеркала висит наклейка. Засмальцованная принцесса в розовом бальном платье. Она помнила ту наклейку, вкладыш от жвачки. Папа тогда привез из заграничной поездки. Одни из первых жвачек в их еще советском городе. Привез целый блок, чтобы для дочки и ее подружек хватило. Нет уже тех жвачек, и подружек тоже нет. А наклейка вот есть. Подаренная папой своей любимой принцессе.

Села на диван, посидела немного. Встала, подошла к пианино, подняла крышку. Играть не стала. Посмотрела в задумчивости на клавиши, прикинула стоит ли отдавать дочку на фоно. Решила, что не стоит, из уважения к собственным мучениям. Они из-за той музыкалки в основном и ссорились. Потом еще из-за мальчиков, понятно. Маме никогда ни один не нравился. Как и ее характер. Слишком ветреный, говорила мама. А мама всегда была очень серьезной. Нет, мама всегда и есть очень серьезной. Даже теперь. Даже теперь.

Подошла к шкафу, облупленному шифоньеру с лаковыми дверцами. Сколько себя помнила, он уже был. Боже, всю ее жизнь был этот шкаф. Когда-то был еще ключ, она запирала дверцы. Не любила, когда мама лазала по ее вещам. А вот мама любила. Сначала проверяла, в порядке ли вещи, аккуратно ли сложены. Потом проверяла, чем они пахнут. Дальше — сами вещи, не слишком ли вызывающие. Целую школу все проверяла, потом институт. Ей даже пришлось прятать какие-то блузки, юбки-карандаши в сумку со сменкой.

Ту мама не проверяла, не любила запах вонючих кедров.

Открыла шкаф, удивилась. На полочках для трусов и чулок аккуратно лежали ее детские вещи. А еще тетрадки, те, с промокашкой. Дневники за несколько лет учебы, табели. В них аккуратный рядок пятерок, девочка училась прилежно. И поведение тоже было отличным, как и хотела мама. Чуть выше лежали грамоты. Много грамот за разные конкурсы и соревнования. Стрельба из пистолета, бег на длинные дистанции, театральный кружок. Успехи в учебе, участие в жизни ее института. Боже, как же давно это было. Будто как в другой жизни. Жизни и правда тогда было две. Одна показушная, для мамы и преподавателей. Другая была для себя. С крикливым макияжем и вздорной одеждой, взрывным характером и обидой на целый мир.

Одежда тогда воняла кедами, душа требовала мести. Кому и за что непонятно, но точно не папе. Он всегда был хорошим. Пока не разбился в одной из поездок. Компания выплатила компенсацию, мама сделала ремонт в квартире. Убрала все, что напоминало о папе, а что напоминало о ней — оставила.

На верхней антресоли шкафа когда-то лежало зимнее. Бесформенные пальто и пуховики-балахоны. В ее юности так все и ходили. Часто людей трудно было отличить друг от друга даже на расстоянии нескольких метров. Боже, как же она не любила одеваться как все. Но теперь на антресоли балахонов не было.

В одинаковых пакетах с оранжевыми подковами лежали вещи. Ну мама дает, в своем репертуаре. Партии Ющенко нет уже дюжину лет, а вот партийные пакеты до сих пор служат.

Это было впервые, когда они с мамой сблизилась. Она заканчивала институт, мама работала на той же работе. Обоим тогда говорили, что стране очень нужна стабильность. И не нужны президенты на подтанцовке у коварного Запада. Поэтому голосовать надо за Януковича, кандидата от вечно стабильного Кучмы. Они не хотели. Поэтому и протестовали. Вместе ходили на митинги, вместе надевали оранжевые шарфики. Все кричали, требовали. Единственные в доме на пять подъездов.

В пакетах действительно лежали шарфики с революции. А еще куча кассет. Частично купленных, частично записанных на магнитофон. Все, что она тогда слушала в подаренном папой волкмане. «Ромашки» Земфиры, куча Наутилуса, Браты Гадюкины, Скрябин. А еще много-много зарубежки. Garbage и Radiohead, Nirvana и несколько альбомов Scorpions. Были еще Joe Dassin и Milene Farmer. Их подарил Федька, смешной мальчик с непослушной челкой.

Она не любила Федьку, но и мама его не любила. А еще у Федьки было много хорошей музыки, так что выбор был очевиден. Встречались они недолго, но Федька остался с ней навсегда. Первый ее Федька. Это случилось на первом курсе института, прямо на Татьянин день. Напились все тогда жутко, она впервые пила так много. Что было дальше, особо не помнит. Но Федька потом называл ее своей девушкой, назойливо просился держать за руку и дарил много классных кассет. Летом они расстались.

Мама не поняла ее юмора, но сказать ничего не могла. Она ведь училась прилежно, во всем помогала, особо не ссорилась. По меркам их дома — образцово-показательная дочь. Когда получила диплом, сразу уехала. Официально — в аспирантуру в лучший из вузов по профилю. Реально — подальше от мамы. Уехала на пять лет, думала, что навсегда.

Но потом встретился муж, тоже из ее города. Вернулась уже с ним, в квартиру к его маме. Та приняла радушно, во всем помогала. Потом внезапно умерла, оставив квартиру

детям и их маленькой дочке. Теперь они там и живут, недалеко от бывшей обкомовской школы. В получасе троллейбусом от ее мамы.

Мама закашлялась и включила ночник. В квартире приятно пахло бульоном.

Ссора пахла дождем

Они шли по пыльной дороге уже больше часа. Солнце палило нещадно, дышать было почти невозможно. Раскаленный воздух, острая пыль заставляли держать рот закрытым. Потому и молчали.

Рюкзаки тянули назад, лямки резали плечи, котелок больно бился о ноги. В общем, никакой романтики. Только усталость и все возрастающая злость.

Она и спросила, когда отдохнем? Он, почему-то, обиделся. Не сказал ничего, но было видно, что сильно обиделся. Губы вздулись варениками, нос заострился, как острие копья.

Минут через десять показалась какая-то деревушка. Домиков где-то на тридцать вдоль проходящей трассы. Людей видно не было, только автобусную остановку. Четыре железных столба под шиферной крышей. Вместо лавки ржавое перевернутое ведро и остатки детской коляски. На одном из столбов фанерка с расписанием автобусов красной краской. Надписей было две, вторая сообщала, что автобус будет сегодня буквально через двадцать минут.

Она предложила поехать. Потому что идти надо было еще около двадцати километров, а она не могла по жаре. Просила, чтобы он не сердился, предложила сама оплатить билеты. Он хмыкнул и отвернулся. Она снова спросила об автобусе и даже показала деньги, что, мол, они есть. Он так же молчал.

Она подошла вплотную, поставила рюкзак на запыленную обочину и снова спросила. Он молча расстегнул нагрудный карман рубашки, вытянул паспорт в обложке. Потом поковырялся в своем рюкзаке, вынул непромокаемую ветровку. Отстегнул котелок от ее рюкзака и просто вложил паспорт и куртку в ее усталые руки. Потом поднял свой рюкзак и быстро зашагал прочь.

Она не стала его догонять. Просто сидела под шиферной крышей и ждала автобус. Тот появился минут через десять. Старый оранжевый ПАЗик со ржавчиной по правому борту. Автобус был полупустым, несколько кресел вообще не заняты. Она села у окна, плюхнула рюкзак на сиденье слева и уставилась в запыленное стекло. Автобус вздрогнул всем железом и медленно начал ехать.

Только проехали деревушку, резко пошел дождь. Сильные, косые струи текли по стеклу, смывали грязь с автобуса, дороги, деревьев вокруг. Уже через минуту вода мутным потоком бежала по обочине трассы. Еще через пару минут показалась его спина. Рюкзак почернел от воды и поднимался ритмично с каждым шагом владельца. Котелок бил его по ногам в мокрых прилипших шортах. Он упрямо шагал вперед, не замечая ничего вокруг.

Автобус медленно обгонял пешехода. Она неотрывно смотрела в окно, прямо на своего спутника. Тот не обращал внимания ни на автобус, ни на девушку.

Она смотрела и плакала. Слезы текли по щекам, струи стекали по сразу же запотевшему стеклу. Воздух вокруг пахнул свежестью летнего дождя.

Предательство пахло конфетами

Таня болела неделю. Почти все время лежала в постели и пила много невкусных таблеток. Надоело все это до чертиков. Очень хотелось в школу, увидеть подружек. Особенно Свету, лучшую из подружек в их третьем «А».

Мама купила конфеты в награду за стойкость при нудном лечении. Таня конфеты не ела, берегла для подруги.

Когда пришла в школу, все странно косились. Она сразу подумала, что это из-за болезни. Одноклассники ничего не говорили, только улыбались криво. Особенно мальчики. Особенно Влад. Симпатичный мальчик из параллельного класса.

Света пришла перед уроками. И даже не поздоровалась. Зато долго шепталась с Нинкой. Та только смеялась громко и все поглядывала на Таню. Нинка Таню не любила. Еще с садика не любила. Странно, что Света шепталась с Нинкой, зная, что Таня и Нинка враги.

Как ей теперь дать конфету?

На перемене никто не подошел. Только мальчики все дразнились, что Таня влюбилась во Влада. А девочки напоказ закатывали глаза и спрашивали громко, как же так Таня могла. Что могла, непонятно, как и то, причем тут все девочки.

После второго урока перемена была подлиннее. Всех повели в столовку на школьный завтрак. Света сразу под села к Нинке и не обращала внимания на Таню. Та просто сидела одна, будто больная на карантине. Без спроса под села Валя. Тихоня и хорошистка. Под села и сразу вывалила, что Света теперь с Нинкой. Потому что Света рассказала всей школе тот Танин секрет. Про Таню и Влада. И теперь у Светы новая подруга. А еще конфеты, Нинка их носит в школу и выдает Свете за дружбу.

Таня слушала молча и плакала тихо без слез. В руке таяла конфета для Светы. Шоколад стекал по тоненьким пальцам, наполняя большую столовку приятным ароматом предательства.

Запах детства

Запах дорожной пыли, горячего воздуха и сухой полыни. Никогда его не любил. Все короткое детство было связано с этим запахом.

Лето часто проводил в Крыму у бабушки. Половину времени играл с друзьями, остальное время — выпасал коз и барашков. Бабушка говорила, у коз вкусное молоко. Ну не знаю, сладкое, теплое, с пеною в палец. Никогда не любил коз. И молоко. И тот запах. До сих пор не люблю.

А тут вдруг пахнуло. В открытое окно джипа где-то в глуши африканской саванны. Вокруг неспешно ходят слоны, лениво пожевывают листья жирафы, как в трансе, покачиваются обезьяны. А мне, будто снова Крым, барашки и козы. И я посреди крымской степи.

Снова пахнуло детством. Тем, настоящим. Люблю этот запах. Скучаю.

Двери маршрутки с шумом открылись и чрево пузатого бусика моментально наполнилось запахом дорогого коньяка. Вслед за запахом в салон заплыли два полуживых тела в дорогих костюмах и дружно плюхнулись на свободные кресла.

Люди моментально замолкли и стали настороженно всматриваться в лица пополнения. Было вполне очевидно, даже случайная поездка с инопланетянами в маршрутке была бы более предсказуема, чем вынужденное соседство с двумя неопознанными телами скорее чиновничьего происхождения.

Да и чего, в принципе, ожидать хорошего работягам в ночной маршрутке на Киев от двух приятно пахнущих джентльменов? А тем более мертвецки пьяных.

Полдороги ехали молча. В основном, из соображений личной безопасности. А потом вдруг осознали, что джентльмены пахнут уже не Наполеоном. По салону отчетливо разносились испарения в лучшем случае трехзвездного Закарпатского, вызывая резь в глазах пассажиров.

К концу поездки коньячный запах стал особенно резким. Пассажиры маршрутки как бы уже стали заспиртованными поневоле. Да и водила все чаще и все более подозрительно вилял рулем, с понтом обходя рытвины на дороге.

Уставшие джентльмены так же не подавали признаков жизни, но уже не воспринимались так агрессивно. В основном, из-за исходящего от них запаха. Тот все отчетливее напоминал пары придомового шалмана, а не салона дорогой иномарки.

Люди, завидев знакомые силуэты столицы, все более оживлялись. Каждый уже представлял, чем займется по прибытию. На чинуш внимания не обращали.

Как вдруг из брючного кармана одного из двух с негромким хлопком выпала ксива.

На ней золотом по красному было написано «Служба безопасности Украины».

Я стал хоронить друзей

Сначала был Николай. Да это и было понятно — пил он безбожно. Много и долго пил. Я, 20-летний пацан, таким его и запомнил — быстрый, верткий, с вечно початой бутылкой беленькой в кармане кожанки.

Да, он был резким, да, рубил прямо с плеча. Но его очень любили. За смелость, азарт, за готовность всегда поддержать. Не раз и не два он подкидывал денюжат и мне, вечно голодному студенту на мели.

А потом его резко не стало. Оказалось, рак. А химия не помогала, поэтому водкой он просто гасил постоянную боль.

Хоронили Николая всем миром. Прощались фактически день. Николая любили все.

Эти похороны организовывал сам. Место, венки, поминки, выписки, приглашения. Все как в дурном сне. Умер Владимир Иванович — любимый тесть и дорогой друг.

Он начал курить с шести лет и имел стаж курильщика в две мои жизни. Но последние пару лет не курил — сердечко стало шалить. Очень любил людей, очень хотел жить.

Он был на равных с каждым. И по умению держаться и по возрасту. Его очень любили дети, доброго деда с гостинцами. Иваныч редко болел, много ходил. А еще десять лет хотел на рыбалку. Но было некогда — внуков глядел. С ними и был до последнего.

Хоронили его всем двором. В промозглый день январского Евромайдана.

Их я не знал совсем. Иван, Андрей, Димка, Санек. Потом еще и еще, каждую неделю новые. Воины Украины, погибшие в АТО.

Добровольцы и из регулярных, молодые и постарше, рядовые и при звездах. Бывали дни, когда хоронили десятками.

Провожали их на одной из главных площадей города. Прямо возле казарм, где герои когда-то служили, возле парка, где они бегали по утрам, перед театром, куда ходили ротой.

Герои, отдавшие за меня жизнь в долгой неназванной войне.

Я хоронил друзей. Которые помогали, поддерживали и понимали. Которые отдавали жизнь, потому что надо. Они любили людей и верили в нас. Были лучшими.

Последняя бутылка

Были похороны, а потом и поминки. Нужна была водка, купили. Вроде не много, но осталось. Хотя и холодно было в том январе.

Дома сами не пили, а выкидывать было не с руки. Можно было продать, опыта не было. Так и стояла та водка в ящике на балконе.

Год стояла.

А потом снова пришла зима. Холодная и с морозами. С постоянными перепадами температур. Заболеть в такую зиму на чих.

Так водка и пригодилась. Компрессоры, растирания, настойки, микстуры — везде нужна была водка. Та, с похорон. За зиму ушел весь ящик.

Осталась одна бутылка. Последняя из той водки. Стояла тихонечко в холодильнике, позвякивала стеклом о дверцу.

Напоминала ту зиму и зиму после.

Имя на листике

Листик из блокнота уже давно валялся среди всякого хлама пацанячих вещиц. От постоянного контакта с батарейками, рогаткой, пистонами, какими-то шариками и еще бог знает чем страничка пожелтела изрядно и просто сливалась с дном выдвижного ящика стола.

И если б не необходимость срочно найти квитанцию за починку рваных штанов, я бы точно не заметил тот листик.

Крупным красивым почерком на нем было выведено «Лейла». Иномер домашнего с кодом далекого южного города. Одно слово да десяток цифр вразброс.

Мельком взглянул на имя и сразу же вспомнил лето, лагерь, костер последнего дня пионерской смены и Ее. Веселую южную девочку десяти лет с черной косой и вечно смеющимися глазами.

В тот вечер она совсем не смеялась, даже не улыбалась. Весь ее вид, каждая черточка сосредоточенного лица, все выражало серьезность. Целый день она не отпускала меня ни на шаг. Ходила следом, держала за руку, сиделарядом. И все время горько вздыхала, иногда грустно улыбаясь кончиками красивых полных губ.

Мы были на одной смене. Но первые пару недель я ее просто не замечал. Все мое время как-то само растворялось в постоянных гуляньях, играх, ночных разговорах с новыми друзьями и регулярных столовских перекусах.

А потом была дискотека. Под крышей летнего домика прицепили зеркальный шар и повесили три разноцветные лампы. Они горели все время, никак не реагируя на темпоритм песен. Иногда дядя Шура вручную клацал выключателем ламп, создавая иллюзию светомузыки. Но вскоре ему это все надоело, и лампы выключили совсем.

Танцующие только обрадовались.

Я не танцевал. Не любил. Если честно, не умел совсем, а потому и не любил. Просто сидел себе в уголке, посмеиваясь с пацанами над выкрутасами очередного танцора.

Как вдруг прямо передо мною встала она. Просто взяла за руку и сразу потянула в центр зала. Отказаться было нельзя, белый танец — дамы приглашают кавалеров.

Играло что-то медленное, блики зеркального шара отражались в ее глазах, она улыбалась. А я все сопел, неуклюже переваливался с ноги на ногу и страстно желал не оттоптать ее пальцы.

«Лейла», — вдруг прошептала она мне на ухо.

Я не понял, что она хочет.

«Лейла», — снова сказала девочка, и тут я понял, что надо знакомиться.

И теперь Лейла сидела возле меня, грустила и то и дело сжимала мою ладонь. Языки пламени отражались в ее черных глазах как тогда блики дискотечных огней. Было грустно.

Рано утром мы все разъезжались. Я — далеко на север, она — далеко на юг. Прямо перед автобусом Лейла потянула меня в сторону, вытащила розовый блокнот с цаплей на обложке, быстро что-то в нем написала, вырвала страницу и протянула мне.

— Звони. Обещаешь?

— Да, как доберусь. А пока дай-ка тебя обниму.

Я не звонил. Ни разу за два года. Сначала хотел, но было некогда. Школа, уроки. Потом просто забыл. А теперь вспомнил.

С волнением набрал ее номер, пошли гудки.

— Алло, слушаю вас.

— Здравствуйте, а Лейлу к телефону можно?

— Нет.

— Ее нет? Когда лучше перезвонить? Это ее друг. По лагерю.

— Молодой человек, Лейла умерла. Прошлым летом. Рак.

Я быстро повесил трубку и ошарашенно продолжал смотреть на листик.

На нем крупным красивым почерком было написано «Лейла». И десять теперь ненужных цифр

На зустріч із другом

— Я не могу сейчас говорить. Иду на встречу. С другом.

Підтягнутий чоловік у зі смаком підібраному костюмі швидко завершив дзвінок та сховав телефон у кишеню модної куртки.

В іншій руці він тримав чотири гвоздички.

Вже за мить чоловік винирнув з переходу та попрямував у бік Інститутської.

Грудневе сонце пускало зайчики з портретів померлих Героїв.

Люди в ресторане отеля пахли одинаковой свежестью. Смесь дешёвого одеколона и хвои. Все из-за геля для душа в номерах. На столах постояльцев стояла почти та же еда. Шведский стол, как никак. На этом сходство практически и заканчивалось.

За столиком возле окна юноша в небрежно накинутом джемпере что-то страстно шептал молодой девушке. Слов было не разобрать, слышался только говор. Французский.

Девушка в платье цвета молока мило улыбалась и постоянно срывалась на смех. Она старательно прикрывала рот ладошкой с ярко-алыми ноготками. Ухоженная ладонь красиво переходила в бледно-молочное запястье, а то — в то самое платье цвета молока. Ладно скроенное, оно сидело на девушке, словно вторая кожа, выгодно подчеркивая формы хозяйки.

Алая туфелька молодой особы уже вовсю блуждала в глубинах мужских брюк. Казалось, туфелька сканирует рельеф на предмет анатомических выпуклостей парня.

За парой внимательно наблюдал чернокожий мужчина неопределённого возраста. На его усталом лице застыло выражение вечной скуки. Он усердно делал вид, что читает газету, но не отрывался от лодыжек девушки. Потрёпанные туфли мужчины непроизвольно били чечетку.

За соседним от него столиком стюардесса немецкой Люфтганзы листала свежий номер «Космо». «Как похудеть к лету? Советы порнозвезд» — взгляд девушки остановился на крикливом заголовке, и она углубилась в чтение. При каждом взмахе ложечки капельки йогурта серии «фитнес» тяжело падали на журнал, оставляя белые потеки на улыбающемся лице очередной Саши Грей.

Девочка лет восьми сосредоточенно выковыривала косточки из сочной мякоти арбуза, ничуть не заботясь, что делает это прямо на общем столе с продуктами. Мальчик помладше терпеливо дожидался своей очереди поковыряться в. Их папа в помятой рубашке и с намечающимся животиком успешного бургера отчаянно флиртовал с молодой официанткой. Та делала вид, что протирает приборы, уже и без того сверкающие холодной чистотой хирургического инструмента в операционной.

Идиллию воскресного утра вдруг резко нарушил один из постояльцев отеля. Молодой худощавый парень резко вошёл в ресторан и, не обращая ни на кого внимания, быстро прошагал к стойке с напитками. Нервными пальцами он выхватил из ведерка со льдом большую бутылку воды и стал тут же поливать ею тряпичную салфетку, снятую с ближайшего стола. Сложив из салфетки импровизированный компресс, парень повязал его себе на голову тесьмой с ресторанной шторы.

Народ молча следил за манипуляциями парня, ожидая, что будет дальше. Тот уже тыкал пальцем в кнопки автомата с соком, выдавливая из него порцию протёртого грейпфрута. Выпив сок залпом, парень так же стремительно ретировался из зала, как и вошёл.

Чернокожий мужчина снова принялся за лодыжку, официантка неохотно и нарочито медленно поплыла убирать остатки учинённого бедствия. Парочка у окна снова принялась обниматься, уже никак не отвлекаясь на происходящее вокруг.

Через какие-то двадцать минут в зале не было ни души. Только на соседних столиках мирно лежали так и не прочитанная газета и журнал с фотографией порнозвезды в потеках.

Из официантской подсобки все отчетливей доносились женские стоны и отрывистая мужская ругань. Что-то ритмично ударяло о стену, четко попадая в лад ресторанных часов. На них малая стрелка медленно переваливала за жирную девятку. Тонкая секундная мерно нарезала круги новых событий обычного воскресного утра.

II.

Клаус уже час злился на сестру. Матильда так и не дала ему покопаться в сочной мякоти арбуза. А все из-за того парня с компрессом. Он так неожиданно влетел в ресторан, что на смерть испугал сестру. Матильда быстро потащила Клауса в номер, всячески стараясь защитить мальчика от парня с компрессом на голове. Сестра больно тянула Клауса за собой, оставляя мокрыми пальцами розовые разводы на белой рубашке мальчика.

Папе, как и всегда, до этого не было дела. Сейчас он был занят очередной девкой в фартуке. Собственно, из-за такой девки мама тогда и ушла. Без скандала, без выяснения отношений. Собрала вещи, заполнила несколько документов, написала записку и ушла. Оставив папу как есть — с детьми, квартирой и девкой в фартуке.

И теперь Клаус с Матильдой живут с папой. А два раза в год они видятся с мамой. Неделю зимой и месяц летом. Половину сезонных каникул.

У Клауса каникул нет. И что это такое, он толком не знает. Но они есть у Матильды, как и у всех в ее школе. Сестра страшно гордиться, что у нее есть что-то особенное, не такое как у паршивца-брата.

В каникулы можно увидеть маму. Они и остановились тут из-за мамы. Вчера выехали к ней на машине. Но потом машина сломалась. Прямо под французской границей. Пришлось ночевать здесь, в маленьком отеле под Страсбургом.

Мама теперь жила во Франции, прямо в Париже. Клаусу Париж нравился, даже очень. И совсем не из-за Диснейленда. После первого посещения мальчик рассказал об увиденном царстве друзьям со двора. Но они почему-то совсем не обрадовались. А только глазели завистливо на кепку с ушами Микки Мауса. Юджин тогда все норовил оторвать уши от кепки.

Клаусу нравилась карусель. Даже две. Одна под площадью Трокадеро, очень близко к Эйфелевой башне. А вторая на Монмартре, под ступеньками базилики Санкре-Кер. Карусели были с музыкой и светились разноцветными огоньками. Особенно классно было кататься вечером. Кони бодро скакали по карусельному кругу, подпрыгивая на поворотах то вверх, то вниз. Каждый круг Клаус проезжал яркую башню, наверху которой вращался мощный фонарь. Мама говорила, что это прожектор. И что своим лучом он ищет по городу мальчиков, которые не слушаются мам. И когда такой мальчик попадет под луч прожектора, он сразу же превращается в горгулью. Их уже было так много на стенах и крыше собора Нотр-Дам.

Наверное, в Париже много непослушных мальчиков.

Папа вчера сказал, что к маме они полетят. Ждать машину с ремонта было слишком долго, а каникулы скоро закончатся. Матильда рыдала весь вечер. Она очень боялась летать, трусиха.

Именно из-за нее они все время ездили в Париж на машине. Хотя это было так долго и почти всегда скучно. Первые полдороги Клаус обычно играл на своей PSP. Но потом зарядка кончалась. Папа не разрешал заряжать приставку в машине, потому что там заряжался навигатор. Зачем он был нужен, Клаус не знал, но папа очень хвалил ту коробочку. Она голосом соседки фрау Агнес подсказывала без умолку куда поворачивать и сколько осталось до разных городов. Всю вторую половину дороги Клаус спал. Хотя спать особо и не хотелось. Но делать-то тоже было особо нечего.

Из-за сестры рубашка Клауса теперь стала похожа на палитру в классе искусств. Такая же цветастая и с подтеками по краям. Клаус знал, что папа этому совсем не обрадуется. Разве что та тетя из отеля в фартуке будет хорошо смеяться, когда папа шутит.

Клаус заметил, что тети всегда смеются, когда папа говорит им что-то на ушко. А потом он уходит с ними в другую комнату. Матильда говорит, что там папа рассказывает тетям секреты и что тети так удивляются, что сразу начинают охать. И потом папа всегда приходит довольный и уже ничего не говорит о тетях в фартуках. Словно их никогда и не было.

Клаус надеялся, что папа придет довольный. Другую рубашку достать не получалось. Вещи не распаковывали еще с самого дома. Чемоданы аккуратной горкой стояли в углу номера. Сверху на них лежала любимая сумочка Матильды с Пеппи на одной стороне и старой ключей на другой. А еще там стояла большая машина Клауса — джип на радиоуправлении. Его на прошлое Рождество подарила мама. Как и сумку с Пеппи.

III.

Что в том журнале писали насчет фигуры? И причем тут звезды порно? Взгляд Мириам не задерживаясь ни на чем конкретном, скользил по домам, деревьям и просто обочине трассы, ведущей в аэропорт Страсбурга. Это должен был быть первый из трех ее перелетов сегодня. Этот, самый короткий, из Страсбурга в Париж. Потом в Берлин, а оттуда уже в Амстердам. Там она будет под утро понедельника.

Из-за постоянных забастовок в родной Люфтваганзе базовый аэропорт компании во Франкфурте оказался практически заблокированным. Так что все еще действующие рейсы временно отправляли через Берлин и другие города Европы. Еще вчера она добралась автобусом из Франкфурта в Страсбург. И уже отсюда будет начинать работу сегодня.

В этот раз профсоюз настолько увлекся протестом, что совсем забыл о своих же прямых обязательствах — заботе об интересах работников авиакомпании. Вот и пришлось Мириам самой искать гостиницу. Вполне ожидаемо все ближайшие к аэропорту уже были заняты. Так она и оказалась в том небольшом отельчике, где интересным был разве что бесплатный «Космо» на журнальной стойке.

Да причем там порнозвезды? Мириам, как и многие девушки немного за двадцать, активно интересовалась сексом. Себя она считала натурой взглядов широких, легкой на подъем и все такое. И потому в хитросплетения моральных запретов старалась особо не лезть, а просто наслаждалась каждой случайной встречей.

А встреч было хоть отбавляй. Постоянные перелеты, гостиницы, вечерние попойки и выходы в люди нередко заканчивались в обнимку с кем-то из пилотов ее же авиакомпании. Особо ей нравился Жан Поль, француз, недавно перешедший из Эйр Франс в Люфтваганзу. Бедолага искал где получше, а напоролся на те же проблемы, плюс еще засилье немчур.

Жан Поль был вторым пилотом и старался стыковать свои рейсы с графиком Мириам. Им очень нравилось нежиться вместе на накрахмаленных простынях корпоративных отелей, а, когда повезет, встречать закаты на пляжах Барселоны и Аликанте.

Сегодня Жан Поля на рейсе не будет. Стачком назначил его ответственным за переговоры с боссами авиакомпании, надеясь, что на тех магически подействует французский шарм и акцент Жан Поля. Ему на замену послали какого-то молодого немца. Раньше о нем Мириам ничего не слышала.

Дебрифинг прошел быстро и по-обычному скучно. Стандартный набор пассажиров парижского направления — десяток детей, два из них груднички, много пенсионеров, пятеро за семьдесят, одна на коляске. Все остальные — или бизнесмены, или служащие Совета Европы, спешившие в Париж. Всего 150 пассажиров дневного воскресного рейса.

Все проходило как всегда. Зашли в самолет, проверили борт, запустили пассажиров. Загерметизировались, провели инструктаж, взлетели. Хоть рейс и короткий, всего около часа, пассажирам полагались напитки с закусками. А значит, надеваешь фартук, берешь тележку и мило улыбаешься каждой киллой морде в кресле.

Он сразу привлек ее внимание. Возможно, из-за тонких усиков на французский манер, таких же, как у Жан Поля. А может и из-за детей, мальчика и девочки лет восьми. Это их она утром видела в отеле. Девочка еще тогда препарировала арбуз прямо на сервированном столе.

Дети капризничали, особенно девочка. Их папа постоянно нажимал кнопку вызова стюардессы, словно надеясь, что хоть она сможет повлиять на дочку. А может дело в Мириам? Уж больно пристально усатик искал что-то в разрезе ее блузки каждый раз, когда девушка наклонялась к креслам. Было видно, что его заводила ладная стюардесса в униформе и с фартучком поверху.

До конца полета оставалось минут двадцать. Вот-вот капитан должен был объявить приготовления к посадке. Мириам в хвосте самолета крепила тележки с остатками снэди, как вдруг почувствовала кого-то у себя за спиной. Это усатик подошел тихонько и отчего-то хриплым голосом попросил воды. В момент, когда Мириам передавала ему стакан, мужчина словно случайно коснулся ее запястья и сразу же увлек девушку вглубь рабочего отделения. Мужчина всем телом навалился на стюардессу в фартуке, как будто брал на abordаж неприступную крепость.

Мириам только успела вдохнуть опьяняющий аромат одеколona и уже полностью отдалась наполнившей ее страсти на высоте.

IV.

Они познакомились в Париже. На почте возле площади Бастилии. В тот день Хенрих впервые прилетел в CDG как пилот. Быстро сдал рейс, закинул вещи в ibis и пошел искать ближайшую почту. В век социальных сетей и эмейлов у него была личная слабость — посылать матери настоящие открытки из каждого нового города, куда прилетал.

Людей на почте почти не было. В глубине полутемного зала сидела симпатичная девушка в платье в горошек. Поверх платья на ней был пиджак цвета вишни с фирменным бейджи́ком в колерах французского флага. На бейдже чернело имя — Жене́вьева.

Хенрих попросил девушку выбрать открытку, которая нравится лично ей. Сказал, что

для мамы, но что действительно важно в Париже, он толком не знает. Женестьева долго показывала варианты, терпеливо поясняла, что именно на них изображено. В конце концов Хенрих выбрал одну, с видами на набережную Сены и остров Сите. Быстро ее подписал, упаковал в конверт и попросил марку.

«Хенрих», — прочитала девушка вслух и попросила три евро за открытку и марку. Парень почему-то смутился, когда Женестьева сдачу с пяти евро вложила ему прямо в ладонь. А еще загнула пальцы как маленькому, чтобы тот не потерял монетки.

В тот же вечер молодой пилот снова пришел на почту. До закрытия оставалось минут пять, людей совсем не было. Хенрих решительно подошел к Женестьеве и выпалил через перегородку, что не видел Париж, а она все так пояснила, что он просит ее показать все на местности и точно тот остров Сите.

Женестьева согласилась сразу и попросила подождать ее возле входа.

Ровно через пятнадцать минут девушка подошла ко все более изнывающему парню. Хенрих и правда города толком не знал, так что девушка просто взяла его под руку и повела в направлении рю де Риволи. Они неспешно брели вдоль ярких витрин магазинов, окунались в запахи парфюмов, свежих фруктов и печеных каштанов. В зеркальных отражениях окон на них смотрели улыбающиеся парень и девушка, так поразительно похожие друг на друга.

Еще полчаса — и парочка была на бульваре Севастополь. В воздухе отчетливо пахло илом. На стремительно темнеющем горизонте еще виднелись дома набережной Сите. Внезапный порыв ветра нагнал откуда-то грозовые тучи и уже за мгновение они разразились густым осенним дождем. Хенрих, словно общипанный гусь, закрутил головой во все стороны, пытаясь найти, где укрыться.

Женестьева быстро вытащила из глубин сумки зонтик, потянула за собой парня и побежала через весь остров. Вдали темнела громадина Нотр-Дама. К нему они и бежали, стараясь опередить дождь.

Парочка быстро добежала до храма, плюхнулась на свободные места для прихожан и прижалась друг к другу, желая скорее согреться. Хенрих видел, как в зеленых глазах Женестьевы плясали огоньки храмовых свечек. Ее волосы пахли дождем, ладаном и почему-то гвоздикой. Он потянулся губами к лицу Женестьевы, та тут же ответила. Девушка обхватила лицо парня холодными ладошками и поцеловала в губы. В глубине церковного зала, на задних рядах молильных скамеек рождалась любовь.

С тех пор Хенрих всегда старался летать через Париж. Желательно с ночевкой в городе. Тогда он мог свободно видаться с Женестьевой, иногда проводить вечера у нее. С каждым новым месяцем знакомства он все сильнее привязывался к девушке и уже считал ее частью своей жизни. Возможно, самой значимой ее частью. Хенрих хотел сказать об этом в марте, в день двадцатипятилетия Женестьевы.

Он сильно расстроился, когда 7 января 2015 года его рейс на Париж внезапно отменили. Какие-то придурки с пистолетами напали на редакцию сатирической газеты. И аэропорты Парижа закрыли в целях безопасности. Особенно Хенриха злило, что пропали билеты. Он очень хотел сводить Женестьеву на концерт Индилы.

Вчера он снова не спал. Только закрывал глаза, сразу видел ее лицо. Красивые, чуть

полные губы, немного семитский нос, зеленые кошачьи глаза. Она улыбалась, как и всегда при встрече.

Только встреч никаких не было. Уже три месяца как Женеьеву убили. В тот самый день, 7 января 2015 года, когда исламистские фанатики расстреляли редакцию Шарли. Спасаясь от преследования, один из террористов захватил заложников на почте у площади Бастилии. Служащую и десять посетителей. Той служащей была Женеьева.

Репортеры потом говорили, что у нее не было шансов. Девушка кинулась помогать какой-то женщине. Террорист со всей ненавистью к неверным кинул ее лицом прямо на мраморный пол. Резкие движения женщин испугали захватчика, и тот выстрелил им обоим в затылок, опасаясь провокаций в свой адрес.

Об этом Хенрих узнал только на следующий день. До этого он все не мог дозвониться любимой ни в скайпе, ни на мобильный. Он не выдержал и позвонил прямо ей на работу.

С тех пор Хенрих совсем не мог спать. Образ девушки, ее взгляд все время стояли перед глазами. А в мозгу пульсировала только одна мысль: почему Женеьева?

Вокруг только и говорили, что о смертях в Париже. Но никто не говорил о его Женеьеве. Французские власти даже не упомянули о ней среди официально погибших от рук террористов. Возможно, это была бюрократическая ошибка, но именно это стало для Хенриха последней каплей. Он понял, что реально ненавидит власти, позволившие отобрать у него самое дорогое в жизни.

Завтра Женеьеве должно было быть двадцать пять. Он знал, что случится именно завтра.

С самого утра этого дня Хенриху было плохо. Он снова не спал, жутко болела голова. Именно потому он решил сделать компресс просто из ресторанной салфетки. Конечно, люди в ресторане немного перепугались. Но какое ему дело до всех этих случайных попутчиков? У него была цель. И ради нее он должен пройти обязательный профосмотр и попасть сегодня на свой самолет. Во что бы то ни стало попасть.

Все прошло замечательно. Никто и не заметил красных глаз Хенриха и нервного подергивания пальцев. Второй пилот легко получил путевой лист и бейдж-разрешение на рейс Страсбург-Париж. Капитан, высокий голландец с легким северным акцентом, о чем-то постоянно шутил. Хенрих его не слушал, а старался как можно лучше сосредоточиться на бортовых приборах. Собственно, ведь именно для этого и нужен второй пилот на борту.

Рейс протекал вполне спокойно. Перед каждым аэропортом по пути следования самолета Хенрих выходил на связь и сообщал необходимые диспетчерам данные. Уже через пять минут они свяжутся с диспетчерской аэропорта Шарля де Голля и начнут готовить самолет к посадке. А пока еще есть пять минут, так что капитан попросил второго пилота присмотреть за штурвалом, пока сам отлучится в туалет.

Хенрих именно этого и ожидал. Он быстро закрыл кабину изнутри, на всякий случай забаррикадировав ее капитанским креслом. Второй пилот отключил любую внешнюю связь и начал менять курс самолета. Новой целью Хенрих задал координаты виллы руководителя службы безопасности Франции. Она как раз находилась на пути следования самолета, всего в каких-то тридцати милях на юго-восток.

Самолет резко пошел вниз. Странно, но капитан ничего не сказал ни о турбулентности, ни о снижении перед аэропортом. Уже в следующий миг весь салон с ужасом наблюдал, как капитан самолета выбежал из туалета с незастегнутым ремнем и помчался по направлению

к кабине пилотов. Все отчетливо слышали его крики с требованием открыть дверь и передать управление капитану. В ответ только звучала отборная немецкая брань и фраза о суде именем Женевиевы.

Самолет все быстрее терял высоту. Вот уже дети по разным концам салона начали рыдать навзрыд. Им вторили какие-то бабки и особо истеричные пассажиры обоих полов.

Клаус плакал еще громче и постоянно звал папу. Матильда искала его взглядом по самолету, но папы нигде не было. Тогда она вспомнила, что ему можно позвонить и стала искать телефон в детской сумочке с Пеппи. Номер отца она точно не знала, но помнила, где тот искать в коротком списке контактов. Сети не было, позвонить девочка не могла.

Клаус уже вовсю рыдал на соседнем кресле, абсолютно не обращая внимания на все происходящее вокруг. На этот плач из задней части самолета бежал отец. Его рубашка была не заправлена, на воротнике пылал отпечаток алой помады. Отец, словно гепард, перепрыгивал через людей в проходе, которые зачем-то перетаскивали сумки, нервно искали что-то под креслами или просто раскачивались из стороны в сторону.

Уже через минуту отец был возле Клауса. Он обхватил голову мальчика руками, стараясь заглянуть тому в глаза и сказать что-то успокаивающее. Правильных слов не находилось, поэтому отец просто шикал в лицо мальчику, поглаживая его мокрые от волнения волосы. Боковым зрением отец видел, как Матильда что-то пишет в своем телефоне.

Вдруг в иллюминаторе самолета показались макушки еще голых деревьев. Через секунду все почернело.

На прикроватной тумбочке парижской квартиры засветился экран забытого телефона. На секунду экран высветил текст сообщения: «Мама мне страшна умерать. Я тебя очень люблю. Матильда».

Через секунду экран снова погас.

Последняя битва Стражей. Исчезновение Ба

Максу страшно хотелось спать. И совсем не хотелось слушать старого толстого дядьку, шелестевшего что-то из теории магнитных полей перед полусонной аудиторией третьекурсников. Но Макс продолжал сидеть, делая вид, что слушает преподавателя. Родители на днях пригрозили, что денег больше не дадут, потому что совсем не обязаны содержать молодого оболтуса, шляющегося по вечеринкам вместо учебы. И что точно проверят конспекты прямо в эту пятницу, сразу после последней пары.

Родители разговаривали с Максом, словно с маленьким. Как-бы он не двадцатилетний мужчина, а еще школяр-пацаненок без права на собственное счастье. А счастье, оно ведь так близко. Вчера на дне рождения Катьки он встретил Лену. Катька была старой подругой, еще с первого курса учебы. Учились на одном потоке, сдружились после первого Дня студента. Жили в одном городе, в одном районе, а свиделись только уже в универе. Шутка бога, мля.

Лена его завораживала. Милая первокурсница с экономического. Неясно, как она оказалась на именинах Катьки, девочка из другого города, заметно младше всей их компании, с явно отличными интересами. Но она там была.

Гуляли долго, уже после последних маршруток. Денег на такси не было, так что Лена осталась у Катьки. А он ушел к себе. В дом на соседней улице, где жили Макс, Ба и ее кот Чертик. С родителями Макс не жил принципиально, но денег все же просил. Работать совсем не хотелось.

Макс еле высидел пару. Было скучно и сонно, с такой же перспективой на целый день. Решил на вторую не идти, а наведаться прямо к Катьке. Там еще могла быть Лена. Попросил конопатого старосту не отмечать его отсутствие в журнале, договорился за шоколадку с заучкой Зоей про ее конспект и ушел.

* * *

У Катьки уже не спали. Какие-то девочки сонно ходили по квартире, цепляясь ватными ногами за пустые бутылки, обрывки подарочной упаковки и остатков пиццы. На кухне горел свет и пыхтел старенький чайник. Катька стояла перед зеркалом полуоткрытой ванны и внимательно вглядывалась в свое лицо. Девушка придирчиво осматривала каждый миллиметр кожи, надавливала и водила пальцами, поворачивалась вокруг своей оси, как заведенная балерина из музыкальной шкатулки.

Лена сидела в полутемной комнате и негромко плакала. Этот выглядело особенно странно на фоне полусонных обитателей квартиры. Девушка поджимала под себя ноги, стараясь их спрятать под подол измятого платья. Руками она обхватила взлохмаченную голову, слезы медленно катились по впалым щекам.

Макс быстро подошел к Лене, сел рядом и нежно ее приобнял.

— Лена, что случилось? — Макс старался говорить ровным, успокаивающим голосом. — С тобою все хорошо?

— Нет, блядь, не все, — Лена резко оттолкнула Макса и забилась в истерику.

Макс не знал, как поступить дальше, и просто ждал, когда девушка успокоится. Через какое-то время Лена начала приходить в себя и уже не плакала. Лишь всхлипывала при

каждом вдохе, сиюсь восстанавить дыхание. Девушке явно не хватало воздуха, раскрасневшееся лицо пашило даже в утреннем полумраке.

Макс встал перед девушкой, опустилсь на колени и обнял ее мягко, но сильно. Лена совсем не противилась и продолжала сидеть безжизненно, словно тряпичная кукла.

— И что там, детка? Давай помогу, ты только скажи. Кому набить харю? — Макс вкрадчиво шептал ей на ухо, прижимая девушку к груди.

Левой рукой он крепко обнимал Лену за спину, а правую, словно невзначай, опустил между ног девушки. Прямо у края ее короткого платья. Макс продолжал говорить, не концентрируясь на чем-то конкретно, а просто гипнотизируя девушку вкрадчивым голосом. Он все крепче обнимал Лену, все ближе просовывал руку к ее трусикам. Оттуда уже отдавало жаром, девушка рефлексивно покусывала нижнюю губу.

— Так. Что. Там, — каждое слово Макс выдыхал в ухо растрепанной первокурсницы, уже позабывшей причину недавних всхлипов. — Я. Помочь. Хочу.

Последнее слово сказал вполне двусмысленно. Но Лена уже не слышала, полностью сосредоточившись на голосе и движениях рук парня. Она непроизвольно наклонялась вперед, прижимаясь всем телом к Максy и стараясь обхватить ногами его горячую руку.

— А, это ты, Макс, — писклявый голос Катьки раздался неожиданно хлестко, словно удар хлыста. — Ты разве не в универе сегодня?

Катька стояла в дверном проеме, насмешливо улыбаясь краешками красивого рта. Улыбочку только усиливали две смешливые рожицы Минни и Микки на каждой из грудей ношеного халата Катьки. Казалось, все трое искренне потешаются над увиденным — парень на коленях перед девушкой, отчаянно пытающийся запихнуть руку куда-то вглубь ее молодого тела.

— Я, я к Лене пришел. Дай, думаю, проведу, бедолагу. Все ж первый раз гуляла так долго. Могло и поплохеть с непривычки, — Макс старался говорить ровно, не выдавая нервной дрожи пальцев, еще мгновение назад касающихся хлопка девичьих трусиков.

— К Лене, говоришь. Да все нормально у нее. Так, перебрала немного. Ну и к Антошк моему лезть начала. Пришлось пояснить дурехе правила поведения в гостях. Но все норм, она поняла. Правда ж, Лен?

Первокурсница молча кивнула. Девушка весь разговор молчала, виновато пялясь в грязный пол комнаты. Максy стало еще больше жаль девочку. В голове пронеслось, что его квартира совсем ведь близко. И Ба точно помехой не будет, все время сидит на кухне или у себя в комнате.

— Давай-ка пойдем отсюда. Собирайся, — Макс стал рыскать по комнате в поисках вещей Лены.

Те никак не находились, в отличие от гардероба других обитателей странной квартиры. Лена безропотно встала, вышла в другую комнату и вернулась через пару минут, уже готовая выходить.

* * *

Пока шли к Максy, всю дорогу молчали. Мыслей в голове было много, но с чего начинать, было неясно. Они и молчали. Уже в парадном Макс заговорил первым:

— Ба, наверное, дома. Ну, бабушка моя. Но она человек неприметный, мешать нам не

будет. Не то что кот ее, Чертик. Тот, бестия, покоя не даст. Так что закроем его в ванной.

Лена молча слушала пояснения парня, никак не реагируя. Казалось, была неживая, робот с функцией вентиляции легких.

Прямо с порога в нос ударил запах. Едкая смесь махорки, старых газет и дуста. Невыветриваемый запах старости. Бабушки видно не было, кота тоже. Было тихо, только чуть слышно бубнило радио.

Макс показал Лене дверь в свою комнату, сам же поплелся на кухню. Хотел предупредить Ба про раннюю гостью и налить им обоим чая.

* * *

Только открыв кухонную дверь, Макс по-настоящему испугался. Вместо Ба на него смотрела уродливая, вонючая пасть, вся в слизи и кусках шерсти. В центре того, что должно было быть головой, находился глаз. Он был один, большой, размером в чайное блюдце. Глаз желтовато-красного цвета гипнотизировал Макса, постепенно подчиняя сознание парня собственной воли. Ничего больше не происходило. Не было криков, рычания, борьбы. Вообще ничего, если не считать опустошенности, вдруг навалившейся на парня. Казалось, его жизненная энергия медленно вытекает из тела прямо в центр непонятного глаза.

Макс хотел, но не мог крикнуть. Хотел, но не мог двинуться. Только смотрел безотрывно в центр большого глаза и все больше боялся. Было ужасно страшно понимать, что тебя оставляет жизнь и наполняет страх. Скользкий, холодный и очень липкий. Уже теряя сознание, Макс почувствовал резкий толчок. Какая-то неизвестная сила откинула парня в сторону умывальника, подальше от прямой линии взгляда глаза-гипнотизера. В проеме кухонной двери стояла тоненькая фигурка девушки.

Лена бесстрашно смотрела в центр желтого глаза, медленно поднимая на уровень лица маленькие ладони. В центре каждой из них что-то светилось. Постепенно свечение становилось все ярче. Девушка резко свела руки, и вот уже между ее ладоней запылал большой светящийся шар. Шаровая молния, подумал Макс, и окончательно отрубился.

Лена глубоко вдохнула старческий воздух кухни и мощно выдохнула светящуюся сферу прямо в центр большого глаза. Сфера быстро взлетела, ударилась о раскрытую пасть чудовища и сильно ее обожгла. По квартире разнесся душераздирающий вопль, похожий одновременно на крик кастрируемого кота и на вопли человека в боли.

В следующий миг чудище куда-то исчезло, оставив вместо себя перепуганного кота Чертика. Тот непонимающе пялился то на Лену, то на Макса в отрубке, то на родную кухню.

Когда это все началось? И с чего?

Наверно, с того дивана. Миленького голубого дивана с желтыми вставками. Лена увидела его случайно в витрине соседского магазина. Увидела и сразу захотела.

Маленькому не было где спать, он уже пятый год ютился на одной кровати с родителями. А какой это сон? Да и секс никакой тоже. Все время боишься разбудить сына, вот и бежишь то на ночную кухню, то в холодную ванну.

Из-за этих ночных набегов и были все ссоры. Муж хотел сразу, она хотела ласки. Муж хотел тут же, она не хотела будить сына. Кому ж это все понравится?

А денег на место для сына не было. Муж — молодой инженер на заштатной должности, но с потенциально блестящим будущим. Она — молодая, но перспективная ученая, уже защитившая диссертацию. С планами и амбициями. Как, впрочем, и все.

Платили обоим мало, а еще нерегулярно. Денег еле хватало на самое необходимое сыну, плюс, на проезд и простую еду. На покупку какой-никакой одежды или чего-нибудь из косметики денег совсем не было. А коллеги все смеялись: что ж ты, мол, молодая да красивая, умная да при звании, а такая бедная? Что же тебя муженек не одевает, не кормит совсем? Что же ты в нашем экономическом университете так не соответствуешь?

Каждую сессию начиналось одно и то же. Бездари на машинах, с наглыми и тупыми рожами. Приходят и кланчат себе оценку. Абсолютно не зная предмета, абсолютно не интересуясь учебой.

Но у них есть мамы и папы. И они переживают за сессию. И знают завкафедры. И декана. И ректора тоже. И попробуй им не поставь.

Они ж еще и денег дадут. Не месячную зарплату, конечно, но деньги приличные. А ты не берешь, дура. Потому что принципы, воспитание там, ценности. Они ж все равно придут, но уже с деканом. И тот молча протянет зачетку, молча заберет деньги, молча уйдет. А ты останешься ни с чем, с заплеванной душой, заполненной ведомостью и без денег. Тех денег.

А потом был диван. В патриотичной расцветке в витрине соседского магазина. Еще и табличка на нем веселая, новогодняя. Акция в минус пятьдесят процентов в честь всех зимних праздников сразу. Но денег-то все равно не было.

В тот день она решила, что так больше не будет. Терпеть, страдать, пресмыкаться не будет. Если уж бог дал ей это место и эту возможность, то отчего все время отказываться?

В первый раз было страшно.

Нового, в принципе, ничего. Та же тупая рожа протягивала все так же зачетку, а в ней купюры. Только теперь Лена не вернула просителю деньги, демонстративно швыряя ему в лицо. Теперь она просто ссыпала купюры в сумку. Благо сумочка была бездонной, чтобы все конспекты и тетради влезали.

Она не смотрела на рожу, было стыдно. Та что-то пробормотала в благодарность, пожелала счастливого нового года и быстро ушла. Затем зашла следующая, потом другая.

И так до вечера.

На диван насобираала быстро, за каких то два дня. Сразу его и купила, с доставкой и сборкой от магазина.

Как светились глаза сына! Без усталости прыгал тогда по дивану, радовался. Как удивлялся муж! Все хвалил ее за хорошую работу, а еще университет за премию вот так кстати.

Изменения ощутили сразу. В первую ж ночь с новым диваном. Мальчик мирно посапывал во сне на новом месте, а родители все усердно скрипели старой кроватью.

Потом, конечно, приловчились.

А дальше было легко. Муж не возражал, домашние и не знали. Появились шмотки, покушать, сыну нужные вещи. Всех все устраивало. Даже коллеги как-то подобрали все сразу. Видели, что она тоже, она так же, она своя.

Так и жили. Хорошо жили. Потом переехали в новую квартиру в центре.

Сынок вырос, заканчивал школу, думал куда поступать.

За окном было по-январски холодно. И ветрено, и морозно. А в квартире было тепло. Лена сидела за обеденным столом и смотрела на деньги. Большую кучу мятых бумажек, разных цветов и номиналов. Три ее месячные зарплаты, собранные буквально за день.

А с фотографии на стене смотрел мальчик. Улыбался и размахивал украинским флагом. С того голубого дивана.

Контактные данные

Блог автора: <http://khmara.solutions/creative/>

Мобильный: +380676700296

E-mail: oleksa.khmara@gmail.com